

С.М. Соловьев. Восточный вопрос

http://dugward.ru/library/solovyev_s_m/solovyev_s_m_vostochniy_vopros.html#a001

СОДЕРЖАНИЕ

I. <Восточный вопрос>

II. Восточный вопрос 50 лет назад

III. Восточный вопрос в 1827, 1828 и 1829 годах

I.

У нашего героя древнее и знаменитое происхождение... Восточный вопрос появился в истории с тех пор, как европейский человек сознал различие между Европою и Азией, между европейским и азиатским духом. Восточный вопрос составляет сущность истории Древней Греции; все эти имена, знакомые нам с малолетства, имена Мильтиадов, Фемистоклов, близки, родственны нам потому, что это имена людей, потрудившихся при решении Восточного вопроса, потрудившихся в борьбе между Европою и Азией. Ожесточенная борьба проходит чрез всю европейскую историю, проходит с переменным счастьем для борющихся сторон; то Европа, то Азия берет верх: то полчища Ксеркса наводняют Грецию; то Александр Македонский со своею фалангою и Гомеровою Илиадою является на берегах Евфрата; то Аннибал около Рима; то римские орлы в Карфагене и в его метрополии; то гунны на полях Шалонских и аравитяне подле Тура; то крестоносная Европа в Палестине; то татарский баскак разъезжает по русским городам, требуя дани, и крымский хан жжет Москву; то русские знамена в Казани, Астрахани и Ташкенте; то турки снимают Крест со Св. Софии и раскидывают дикий стан среди памятников Древней Греции; то турецкие корабли горят при Чесме, при Наварине и русское войско стоит в Адрианополе. Все одна великая борьба - все один Восточный вопрос.

Но разумеется, Восточный вопрос имеет наибольшее значение для тех европейских стран, которые граничат с Азией, которых борьба с нею составляет существенное содержание истории: таково значение Восточного вопроса в истории Греции; таково его значение в истории России вследствие географического положения обеих стран. С лишком шесть веков с начала основания Русского государства протекло для него в постоянной и тяжелой борьбе с азиатскими варварами. Благодаря этой борьбе русская историческая жизнь отлила от юго-запада на северо-восток, из степной Украины, наиболее подверженной опустошительным набегам хищных орд, в лесную сторону, более безопасную от них, и тут-то сложилось государство, которое к концу XVI века выказало явное торжество Европы над Азией. Досуг, полученный вследствие торжества Европы над Азией, дал возможность нашему народу обратиться к Западу за получением своей доли в наследстве греко-римской цивилизации, поделенной западноевропейскими народами. XVI век в нашей истории представляет поворот от востока к западу, от степи к морю.

Степь и море - две формы, равно противоположные в своих влияниях на историю: как благодетельно влияние моря, которое соединяет народы,

возбуждает их силы, постоянно служит проводником цивилизации, так вредно влияющие степи, которая разобщает народы и беспрестанно извергает из себя хищные орды, эти бичи Божий, умеющие только разрушать, а не созидать. Под этим-то тлетворным влиянием степи прожила Россия свою древнюю историю, в тяжком труде созидания государства, при самых неблагоприятных условиях, отбиваясь и отбивая Европу от исчадий степи; под этим-то тлетворным влиянием степи жила Россия в то время, когда Западная Европа жила под благодетельным влиянием моря и достигла такого широкого развития своих сил. Легко понять, почему Россия, совершивши великий подвиг на востоке, освободивши себя и Европу от влияния степи, стала стремиться к западу, за живую воду моря.

Но тут роковое столкновение: в то самое время, как Россия, торжествуя на востоке, обращается на запад для собрании своей Земли и для достижения моря, другое славянское государство - Польское - стремится к ней навстречу с запада на восток и сталкивается с нею в самых существенных ее интересах, именно - в собрании Русской земли и в движении к морю. Польша, самое сильное из западных славянских государств, не умела исполнить своей обязанности в отношении к западным славянам, которых должна была быть естественной опорой. Польша не сдержала натиска немцев, дала им онемечить Силезию, Померанию; не умела сдерживать пруссов, для борьбы с ними призвала также немцев, которые, онемечив Пруссию, сделались опасными соседями для самой Польши. Но если Польша теряла на западе, уступая перед немцами, то за эти потери она спешила вознаградить себя на востоке: она захватила Галич, устроила брак владельца других западных русских областей Литовского великого князя Ягайлы со своею королевною Ядвигаю, имея в виду соединение Литвы с Польшею; настойчиво стремилась к этому соединению - достигла его и начала под знаменем католицизма усиливать польский элемент в русских областях.

Но в это же время, как уже сказано, Россия, торжествуя на востоке и сильная внутреннею крепкою верховною властью, поворачивала с востока на запад и столкнулась с Польшею, стремившеюся на восток и захватывавшею русские области. "Все эти области искони наши отчины!" - объявили московские собиратели Русской земли, и начался кровавый расчет за Смоленск и Киев - смертельная борьба, во время которой то польские знамена развевались на кремлевских стенах, то русские в Вильне. Кроме захвата русских земель Польша пошла наперекор и стремлению России к морю: благодаря талантам Батория она выхватила Ливонию из-под руку Ивана IV и с лишком на столетие оттолкнула Россию от моря; но добыча не пошла впрок Польше, скоро она должна была уступить ее Швеции. К концу XVII века исход борьбы обозначился ясно: у Польши вследствие внутренней болезни и внешних ударов уже начиналась агония, а Россия усиливалась все более и более. Но в то время, когда Польский вопрос вследствие ослабления Польши терял свое прежнее значение для России, вопрос Восточный принимал новую постановку.

Мы видели, что на великой восточной равнине в XV и XVI веках Европа торжествовала в лице России над Азиею; здесь Азия должна была преклониться перед молодыми и крепкими государствами европейскими; на противоположном конце, на юго-западе, на Пиренейском полуострове, Азия также должна была уступить перед молодым и крепким европейским государством; но на юго-востоке, на Балканском полуострове, у Европы было

слабое место - одряхлевшая империя Византийская. Азия в лице турок подстерегла это слабое место, овладела Константинополем, утвердилась на полуострове и стала грозить соседям - Италии, австрийским владениям, Польше, отчасти, посредственно, и России. Наиболее угрожаемые турками державы бьют тревогу в целой Европе; но Европа этого времени, занятая своими сильными движениями и борьбами, не могла отозваться общим дружным движением на восток, крестовым походом, - и турки пользуются благоприятными обстоятельствами, пользуются усобицами европейскими. Азии не в первый раз приходилось пользоваться ими: и в борьбе Древней Греции с Персией темным пятном лежит бесславный, изменнический Анталкидов мир, когда Спарта отдала персам греческие малоазиатские колонии; и в новой истории Восточного вопроса не обошлось без подобных же явлений. Франция, чтобы иметь помощь в борьбе с Габсбургами, заключает союз с султаном и остается верна этому союзу, который, конечно, нельзя назвать священным, за то антихристианские писатели и прославляют подвиг Франции, которая, по их словам, первая вышла из узкого круга христианских отношений и оказала услугу Европе, вводя в ее политическую систему такой благодетельный для европейской цивилизации народ, как турки.

В западном углу Европы, у христианнейших королей, у рыцарского народа - сочувствие к храбрый оттоманам! Габсбурги, видя это сочувствие и видя турецкие границы в недалеком расстоянии от Вены, обращаются на северо-восток, шлют в Москву посольство за посольством с представлениями, что Россия имеет обязанность бороться с турками для защиты своих единоверцев и для получения наследства, оставленного ей Византией. В Москве очень хорошо знают обязанности России; но, посылая дорогие меха в помощь Габсбургам против турок, указывают на Польшу, которая лежит поперек дороги и отнимает у России всякую возможность движения. Но наступила вторая половина XVII века, тело, лежавшее поперек дороги, начало разлагаться. Украина двинулась к своему родному и живому; Россия непосредственно столкнулась с Турцией, и следствием того было, что она вступает в союз с Австрией", Венецией и Польшей против Турции; этот союз, ознаменованный важным успехом и со стороны русских, и со стороны австрийцев, и со стороны венециан, подорвал могущество Турции, которая с начала XVIII века уже является больным человеком. Это, разумеется, должно было дать новую постановку Восточному вопросу, тем более что подле больного человека явился человек здоровый.

Переворот, происшедший в Восточной Европе в первой четверти XVIII века, отозвался немедленно в Европе тем, что политические отношения ее должны были измениться, осложниться вследствие появления нового, сильного государства. Для Европы сила России, разумеется, должна была выказываться не только в обилии ее внутренних средств, но и в ее положении, чрезвычайно выгодном в политическом отношении: на юге смертельно больная Турция, на западе - смертельно больная Польша; на северо-западе - истощенная, принужденная отказаться от прежнего важного значения Швеция; здоровый, сильный человек, окруженный больными, расслабленными. Отсюда особенная чувствительность держав к Восточному и Польскому вопросу, отсюда соединение этих вопросов, ибо Россия, за исключением немногих чрезвычайных положений, постоянно относится к Европе посредством Восточного и Польского вопросов. Поддерживать больных людей против здорового и пытаться, нельзя ли поразить здорового человека какою-нибудь

болезнью, становится целью политики западных держав, преимущественно Франции. Тотчас же после Полтавской победы, с которой начинается новое значение России для Европы, Франция уже поднимает Турцию против России и соединяет вопрос Восточный с Польским, внушает турецкому правительству, что для него не так важно возвращение Азова от России, как то, чтобы царь отнюдь не вмешивался в дела Польши.

Но если западные державы так поставили Восточный вопрос, если они решились прекратить извечную борьбу с Азией и поддерживать господство последней на европейской почве, то как должна была Россия поставить для себя Восточный вопрос? Россия не менее других европейских держав имела побуждения поддерживать Турецкую империю. В 1802 году один из русских государственных людей, хорошо знавший Турцию, на вопрос, как принимать внушения Наполеона о близком распадении Турецкой империи, отвечал: "Или делить Турцию с Австрией) и Францией, или отвратить столь вредное положение вещей. Последнее предпочтительно, ибо Россия не имеет нужды в расширении и нет соседей покойнее турок, и сохранение естественных неприятелей наших должно действительно впрямь быть коренным правилом нашей политики".

Но это только одна сторона дела, потому что кроме интереса охранения Турецкой империи Россия имела еще священную обязанность охранять европейский элемент народонаселения этой империи от гнета азиатского элемента. Все европейские державы волею-неволею признавали общую обязанность; но для России здесь была еще обязанность особенная - по единоверию и единоплеменности; Россия не могла не исполнять этой обязанности, не отказавшись от своих преданий, от своей истории, от самой себя. Эта-то особенная обязанность, это-то необходимое влияние, при условии которого только Россия могла вместе с другими державами поддерживать турок в Европе, представила новое затруднение, возбуждая постоянную ревность других держав, постоянные опасения, чтобы Россия не перешла границ необходимо уступленного ей влияния. В этом трудном и натянутом положении враждебные для спокойствия Европы замыслы легко находили готовую для себя пищу, как ясно оказалось в последней Восточной войне, которую союзники кончили своего рода Анталкидовым миром. К Турции и Польше не переставали обращаться люди, считавшие своею обязанностью возбуждать вражду к России. Когда Франция, сблизенная с Россиею политикой реставрации, оттолкнулась от нее революционною политикой 1830 года, то сейчас же пошли составляться программы враждебных действий против России.

В 1831 году Тьер сказал в палате, что существование Польши невозможно между Россиею, Австриею и Пруссиею. Ему возразили в журнале: "Есть Польша, возможная между Россиею, Пруссиею и Австриею; ее границы - Двина и Днепр со стороны России; она должна владеть берегами Балтийского моря от устьев Двины до устьев Вислы. Независимая и сильная Польша необходима для континентальной Европы. Россия в своем положении имеет громадные выгоды перед всеми континентальными державами: чего ей стоит порисковать 80 или 100 тысячами людей на дорогах Швейцарии, Италии или Рейна? Истребят ее армию, но в ее пределы не войдут. Два-три года после поражения она будет в состоянии начать снова: она вознаградит свои потери, лишь только позабудут ее на некоторое время в ее холодных пустынях. Ее можно побороть только революциями, когда ее раздробят"*.

---

* National, 22 сентября 1831.

Незадолго перед тем генерал Ламарк начертал перед палатою план Восточной кампании против России: "Как восстановить Польшу? Пойдем ли мы одни против северного колосса? Если бы Англия и Франция, которые имеют общий интерес в этом великом споре, захотели прямо вмешаться и выслали несколько линейных кораблей, несколько фрегатов, несколько транспортов, которые бы вошли в Черное море, уничтожили Севастополь и его эскадру, Одессу и ее магазины!"

Несмотря на все желание поддержать больного человека, болезнь, очевидно, смертельная; агония может быть продолжительная, но все же это агония. Волею-неволею надобно будет когда-нибудь распорядиться наследством после умершего. И здесь у нас есть свои предания: "Россия не имеет нужды в расширении". Это было принято ею за правило относительно Восточного вопроса еще во второй половине прошлого века. Принявши такое правило, Россия сочла необходимым при очевидном разложении Турецкой империи содействовать образованию из нее независимых христианских государств, начиная с ближайших Дунайских земель (Дакийского государства). Такова была мысль Екатерины II в первую Турецкую войну при ней, - мысль, не приведенная в исполнение вследствие сопротивления Австрии и Пруссии; такова была мысль и знаменитого Греческого проекта: опять образование самостоятельного Дакийского государства, и в случае если бы больной человек скончался, то восстановление Греческой империи без всякой возможности соединения с Российской*.

---

* См. подробности в книге автора: ["История падения Польши"](#). Греческий проект грешил одною своею стороною - австрийскою, ибо Австрия за союз требовала себе добычи.

Великие начала, вернейшие средства при решении известных вопросов, рано или поздно, волею или неволею должны быть признаны. В 1839 г. по поводу Восточного вопроса Гизо говорил в палате: "Историческая и национальная политика Франции - поддержание европейского равновесия чрез поддержание Оттоманской империи - возможна ли? Вопрос зависит от двух вещей: от состояния самой Оттоманской империи и от состояния великих европейских держав. Что касается Оттоманской империи, то ее падение очевидно. Но посмотрим, как совершается это падение? Турецкая империя много потеряла; она потеряла провинции, из которых можно составить хорошие государства; но как она их потеряла? Как она почти потеряла Дунайские провинции, совершенно потеряла Грецию, наполовину потеряла Египет? Ведь это камни, которые естественно отпали от ветхого здания. Думаете ли вы, господа, что без этой перспективы, без надежды, что из всех этих обломков Оттоманской империи образуются новые государства, мы бы стали принимать такое живое участие в событиях на Востоке, в судьбах Греции?.. Поддерживать Оттоманскую империю для поддержания европейского равновесия; но когда силой обстоятельств вследствие естественного течения событий какая-нибудь провинция отделилась от падающей империи, благоприятствовать образованию из этой провинции нового независимого государства - вот политика, которая пригодна для

Франции". Но историк забыл, что эту политику указала Западной Европе Россия еще в прошлом столетии.

Итак, у России по отношению к Восточному вопросу есть своя историческая, национальная политика, которой она должна остаться верной. Бог благословил ее тем, что при исполнении этих обязанностей ее не может смутить нечистая мысль, корыстное побуждение; Россия не может желать распространения своей государственной области, и без того громадной. При таком благословении может ли Россия в отношении к восточным славянам вести себя так, как Польша вела себя в отношении к западным? Пусть живут свободно и независимо родные по вере и крови народы; пусть умножают запас новых деятелей на поприще европейской цивилизации, которое требует именно деятелей самостоятельных, своеобразных. Старые деятели этой цивилизации с недоверчивостью, свойственною их возрасту, смотрят на новых деятелей; их напуганному воображению представляются все властолюбивые замыслы, какая-то опасность, грозящая их цивилизации, - и вот, для спасения этой цивилизации они поддерживают владычество турок и, чтобы уменьшить число наших родных, стараются перевести турецких христиан из константинопольского лазарета в римский, от султана к папе. Предоставим времени успокоить их; не станем убеждать людей, которые то верят, что великороссийское племя - финского происхождения, то верят в подлинность завещания Петра Великого. Наше дело - уяснить собственное наше сознание, очищать собственные наши чувства. Если же, по господствующему в нашей жизни началу, мы должны желать добра и врагам нашим, то желаем им от души, чтобы они вперед не старались заключать Анталкидовых миров.

1867 г.

II. ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС 50 ЛЕТ НАЗАД

В 1800 году в записке, поданной графом Растопчиным императору Павлу, говорилось: "Порта, расстроенная во всех частях, отнимает нерешимость и последние силы своего правления. Все меры, ею ныне предпринимаемые, ни что иное, как лекарство, даваемое безнадежному больному, коему медики не хотят объявить об его опасности". Вследствие такого приговора Растопчин предлагал раздел Турции. "Я предлагаю, - писал он, - раздел Турции, согласись с Пруссией, Австрией и Францией. Россия возьмет Романию, Булгарию и Молдавию; Австрия - Боснию, Сербию и Валахию; Пруссии, взамен и в удовлетворение, отдать все курфиршество ганноверское и епископство падернборнское и минстерское; Франции - Египет. Грецию со всеми островами архипелагскими учредить, по примеру венецианских островов, республикою под защиту четырех держав, делящих владения Порты Оттоманской".

Прошел год с чем-нибудь; в 1802 году граф Кочубей подал императору Александру I совершенно другое мнение. По поводу слухов о покушениях Бонапарта на Турцию Кочубей спрашивал: "Что в таком случае Россия делать должна?" - и отвечал: "Поведение ее не может быть иное, как или приступить к поделу Турции с Францией и Австрией, или стараться отвратить столь вредное положение вещей. Сомнения нет, чтоб последнее не было предпочтительнее, ибо независимо, что Россия в пространстве своем не имеет уже нужды в расширении, нет соседей покойнее турков, и сохранение сих естественных неприятелей наших должно действительно впредь быть коренным правилом нашей политики". Кочубей советовал снестись по этому делу с Англией и предостеречь Турцию.

И Растопчин, и Кочубей не упоминают в своих записках, что недавно, в

царствование Екатерины II, Россия имела в виду еще третий план: на развалинах Турции, не имеющей средств к жизни, создавать независимые христианские государства, имеющие эти средства.

Граф Кочубей справедливо вооружался против плана о разделе Турции замечанием, что Россия в пространстве своем не имеет уже нужды в расширении. Но напрасно он так безусловно принимал положение Монтескье, что для государства нет ничего выгоднее слабых соседей. История показала ясно, что слабое государство всегда служит поводом к столкновению и борьбе между сильными, ибо слабое государство подчиняется влиянию каждого сильного и ни одно государство не может позволить другому усиливать свое влияние над слабым, брать его в опеку, делать исключительно своим орудием. Граф Кочубей смеется над выражением, что турки - естественные неприятели России, требуя, чтобы сохранение этих естественных неприятелей стало коренным правилом нашей политики. Но надобно осторожно смеяться над словами, которые переданы нам предками; надобно прежде решить вопрос: действительно ли опустели слова, лишившись своего смысла, действительно ли исчезли отношения, которые предки выражали в этих словах; действительно ли, например, слабая Порта отказалась от старой привычки притеснять своих подданных и рушилась ли связь между ними и Россией, связь, которую предки считали основой, сутью отношений? Слабость не всегда безвредна; в истории часто повторяется сказка о богатыре и его любимом коне: конь давно умер, от него остались одни кости, но в костях гнездится змея.

"Нет соседей покойнее турок, и сохранение их должно быть коренным правилом нашей политики". Положим, что сами турки были покойны; но обязанность охранять их разве не влекла к сильным беспокойствам? Разве война с Францией на турецкой почве, война для сохранения Турции, была менее опасна, чем война с самими турками? Слабость Турции налагала тяжелую обязанность борьбы с другими государствами, которые захотели бы усилиться на ее счет или усилить в ней свое влияние с исключением русского влияния, - борьбы, необходимой в слабом государстве, открытом для всех влияний. Русский посол в Париже, граф Морков, доносил своему двору, что Бонапарт наводит постоянно разговор на близкое распадение Оттоманской империи, и 24 декабря 1802 года канцлер Воронцов отправил Моркову письмо, в котором уполномочивал его каждый раз отвечать ясно, что император никак не намерен принять участие ни в каком проекте, враждебном Турции. Это заявление было нужно для охранения естественных неприятелей России. Но можно ли было охранять этих покойных соседей, когда Порта подпала под влияние французского посла Себастиани, который заставил ее нарушить договоры с Россией и обнаружить явно враждебные намерения, объявив ей, что всякое возобновление или продолжение союза с врагами Франции, каковы Англия и Россия, будет не только явным нарушением нейтралитета, но участием Порты в войне, которую эти державы ведут с Францией. И вот, несмотря на все желание охранять Турцию, надобно было с нею воевать.

Через восемь лет по окончании этой войны, в 1821 году, вспыхивает греческое восстание, и турки, свободные от всяких политических перестановок народных чувств и отношений, продолжая считать себя естественными врагами России, а русских - естественными врагами Турции, непременно хотят видеть в греческом восстании дело России, против нее обращают всю свою злобу, ее оскорбляют. Опять должна начаться война с этими слабыми, покойными соседями. Но в Европе не хотят спокойно смотреть на эту войну,

ибо здесь также главным правилом политики объявлено охранение Турции, недопущение, чтобы сильная Россия сокрушила Турцию или усилила над нею свое влияние, опираясь на единоверное и единоплеменное народонаселение. С этих пор четверть века в Европе готовился антикрестовый поход на Восток, поход против христианской России и ее единоверцев в защиту магометанской Турции.

3 февраля 1822 года русский посол в Вене (Татищев) получил от императора Александра многознаменательный рескрипт: "Я не хочу войны. Я это доказал. Я это доказываю. Но единственное средство предупредить войну состоит в том, чтоб говорить туркам от имени Европы, и говорить языком, ее достойным. Дело нейдет о том, чтоб сделать Турцию европейским государством. Дело идет о том, чтоб заставить ее занять то же место, какое она занимала в политической системе до марта месяца прошлого года. И для этого не нужно церемониться с турками. Надобно насильно спасать их. Попытки, беспрестанно повторяемые и постоянно бесполезные, кончатся тем, что лишат союз всякого уважения. Порта сделается неисправимую, и, конечно, не такую соседнюю державу союзные дворы хотят завещать России, чтоб упредить систему, на которой основано спокойствие Европы".

Спокойствие Европы, по мнению императора Александра, основывалось на Священном союзе, на решении важных европейских дел, на успокоении волнений сообща, на съездах, конгрессах государей и министров их, причем Россия готова была служить Европе, ее спокойствию всеми своими средствами, как послужила к освобождению от Наполеона. И неужели, спрашивал император Александр, союзные дворы захотят отнять у России такую благодетельную для Европы роль, завещавши ей неисправимых соседей, которые не будут давать ей покою?

Союзные дворы именно этого и хотели. Во-первых, они никак не хотели допустить Турцию почувствовать влияние России, заставить ее подчиняться требованиям последней, дать России сделать что-нибудь для турецких христиан и тем скрепить связь между ними и Россиею. Во-вторых, им невыносимо тяжело было значение России в этом общем управлении европейскими делами, это агамемноновское место русского императора в собраниях государей. Они воспользовались средствами России для свержения материального ига Наполеона; но теперь им тяжело казалось важное значение России, нравственное влияние русского императора.

На конгрессах после русского императора самым видным лицом являлся австрийский канцлер Меттерних, влиянию которого приписывался поворот Александра от либеральной политики к охранительной. Собственно, поворот произошел вследствие революционных движений, снова начавших волновать Европу; но Меттерних воспользовался этими движениями, чтобы дать силу своим внушениям и советам, и действительно торжествовал уступки, сделанные русским императором в пользу охранительного начала. И Александр, и Меттерних поставлены были греческим восстанием в самое затруднительное положение. По поводу революционных движений в разных краях Европы было провозглашено: что восстание подданных против правительства непозволительно; что союз правительств должен вмешиваться в таких случаях и уничтожать революционное движение. И вот, греки восстают против своего правительства точно так, как испанцы и итальянцы восставали против своих правительств; и если союз объявил себя против восстания, то и теперь должен был объявить себя против греков, на стороне султана, по

крайней мере для избежания противоречия не должен был заступаться за бунтовщиков. Но с другой стороны, восстали христиане для свержения ига мусульманских поработителей. Если и Западная Европа не могла отказаться от сочувствия этому явлению, то отказаться от сочувствия ему для России, для русского государя значило - вступить в вопиющее противоречие с собственной историей и с одним из самых живых чувств народных. Затруднительное положение Меттерниха обуславливалось затруднительным положением императора Александра: австрийский канцлер должен был трепетать при мысли, что глава охранительного союза имеет могущественные побуждения изменить провозглашенным началам союза, тогда как подобная измена принципу, во мнении Меттерниха, была непосредственно вредна существенным интересам Австрийской монархии. Освобождение греков должно было повести к освобождению и других христианских подданных Порты, славян, что усиливало влияние России на Балканском полуострове. Кроме того, государственные люди Австрии тревожились еще другим опасением: освобождение славян турецких могло отозваться среди многочисленных славянских подданных самой Австрии.

Меттерних твердил, что греческое восстание есть явление, тождественное с революционными движениями Италии, Испании, и произведено по общему революционному плану, чтобы повредить Священному союзу и его охранительным стремлениям. Император Александр не спорил против этого; но озлобленные греческим восстанием турки свирепствуют против христиан, оскорбляют Россию. Русский государь предлагает следующую систему действия: если позволить туркам подавить восстание, то известно, как они воспользуются своим торжеством, и это опозорит союз, опозорит правительства перед народами; необходимо следующее: уладить дело вмешательством европейских держав по общему их соглашению; Порты не согласится допустить это вмешательство; надобно принудить ее к тому силою - и русское войско будет готово привести в исполнение приговор конгресса по восточным делам, причем русский император обязывается не думать о своих частных выгодах.

Но этого предложения испугались, как дара Данаев. Мысль впустить русское войско в турецкие владения, дать ему возможность занять Константинополь, - эта мысль приводила в трепет. Притом тут противоречие принятой системе: в Италии войско ходило против возмущившихся подданных для восстановления законного правительства, а в Турцию войско пойдет против правительства, чтобы заставить его не очень строго поступать с возмущившимися подданными.

В Вене было положено действовать осторожно, не раздражать русского императора, сдерживать султана, не допускать войны между Россией и Турцией, тянуть время, а между тем туркам удастся задавить греческое восстание. Австрийский интернунций в Константинополе действовал поэтому очень мягко; но английский посланник лорд Стратфорд с островитянской бесцеремонностью выражал свое сочувствие к Турции и враждебность к России и тем усиливал в турецком правительстве опасные надежды, что его поступки найдут одобрение и поддержку в британском кабинете. Несмотря, однако, на видимое различие в способе действия представителей Австрии и Англии при Порте, обе державы имели в виду одну цель - покончить греческое восстание как можно скорее, но покончить одними турецкими средствами, без вмешательства России, и, в то время как Меттерних умолял императора

Александра не сходить с политической почвы, не выдвигать религиозного интереса, английский министр лорд Кесльри умолял его продолжать систему долготерпения, чтобы дать туркам время успокоиться, покинуть свои заблуждения, перестать питать недоверчивость: ведь турецкие смуты нисколько не нарушают внутреннего спокойствия России - из-за чего же последней в них вмешиваться?

Но прежде всего кончилось долготерпение Англии, как скоро она увидела, что консервативный принцип, провозглашаемый Меттернихом, становится вреден непосредственным ее интересам; когда союзники решили на конгрессе прекратить революционное движение в Испании и поручили исполнение этого дела Франции, Англия была страшно раздражена этим вмешательством Франции в испанские дела; кроме того, не в интересах Англии было прекращение смут в Испании, ей нужно было продолжить испанскую революцию, продолжить слабость правительства испанского, чтобы дать возможность испанским колониям в Америке отделиться от метрополии, так как этого требовали торговые интересы Англии. Отсюда перемена английской политики; из консервативной она стала либеральной, что и обозначилось в деятельности нового министра - Каннинга, который отличался поддержкою революционных движений и ненавистью к России. Понятно, что перемена английской политики должна была сильно отозваться на ходе восточных дел: в Лондоне было решено принять самое деятельное участие в освобождении греков; и так как России нельзя было исключить из этого участия, то по крайней мере не дать ей здесь первого места, заслонив ее своим влиянием, показать грекам и всей Европе, что освобождение Эллады есть дело Англии, а не России.

В таком положении находился Восточный вопрос, когда с началом второй четверти века Россия увидела на своем престоле нового императора. В Париже знаменитый итальянец блюл за интересами России с горячим усердием русского патриота: император Николай Павлович потребовал у Поццо-ди-Борго его мнения относительно главных политических вопросов.

Россия, по мнению Поццо, есть такое государство, которого сила заключается не в случайных обстоятельствах; Россия имеет редкое счастье содержать в самой себе все, что нужно для выполнения ее планов, если только эти планы основаны на сущности ее средств. Приступая к рассмотрению предметов, занимавших тогда внимание кабинетов европейских, Поццо ставит прежде всего охранение общественного порядка против революционных идей и движений. В этом отношении все правительства имеют одинакие обязанности и одинакие интересы; один только министр, управляющий английским кабинетом, кажется, хочет предоставить себе гибельную свободу смотреть на революцию с точки зрения собственных выгод; это великое несчастье и великая опасность; но здесь континент Европейский от него отделяется и руководствуется одним общим интересом; здесь и мы достаточно тверды для собственного охранения.

В деле Испании и ее колоний нечего делать: русский кабинет может продолжать изъявлять мадридскому свое благорасположение и давать ему доказательства этого, не компрометируя себя и не принимая обязательств, которые нельзя выполнить. Относительно Португалии надобно ждать, ибо неизвестно, что тут замышляют Англия и Австрия. Из Италии, государства второго разряда, обращаются к России за покровительством: в их дела нужно вмешиваться только тогда, когда это совершенно необходимо. В таком же

положении находятся государства германские: неблагоприятно вмешиваться в их ежедневные дела; но политика и слава требуют поддерживать убеждение, что их восстановление есть главным образом дело России и что от нее они должны ожидать охранения, когда чье-нибудь честолюбие подвергнет их опасности. Дания составляет, так сказать, часть нас самих; справедливость этого открывается при первом взгляде на карту; поэтому нам следует блюсти за ее сохранением и оберегать ее от насилий, откуда бы они ни последовали, особенно от насилий Англии. Морское могущество Соединенных Американских Штатов не может иметь столкновений с Россией, часто оно может быть ей благоприятно или выгодно; поэтому следует поддерживать добрые отношения с американцами и заставлять их смотреть на петербургский двор как единственный на континенте, с которым им выгодно быть в дружбе. Швеция слаба: не для чего ее трогать. С Пруссией нет причин к раздору, все причины к союзу. Другое дело Австрия, которая тянет к Англии. Англия стала соперничать и завидовать России, потому что Россия стала главным государством на континенте. От соперничества и зависти один шаг до вражды, когда интересы столкнутся по обстоятельствам. Каннинг ненавидит Россию. Диктаторский тон Каннинга понравился английскому народу; бравирюя весь свет, Каннинг стал популярен у себя. Россия представляет ему всякие препятствия, и он будет стараться отстранять их, не разбирая средств. Сила и природа вещей притягивают Францию к России. Эта связь между ними служит единственным способом уединить Англию и отнять у нее возможность составлять континентные союзы. Австрия представляет единственное государство, к которому она могла бы обратиться с предложением союза; но пока Франция останется свободною в своих движениях и в употреблении своих сил - Австрия не посмеет объявить России войну.

В начале 1826 года приехал в Петербург герцог Веллингтон приветствовать нового императора; Каннинг надеялся, что уважение, которое питали в Петербурге к ватерлооскому герою, поможет последнему отклонить императора Николая от войны и убедит его принять посредничество Англии как в русско-турецком, так и в греческом деле. Но Веллингтон с самого начала увидел, как трудно ему исполнить это поручение. "Я решился, - сказал ему император, - идти по стопам моего брата. Император Александр перед смертью принял формальное решение войною получить удовлетворение, которого он не мог достигнуть путем дипломатическим. Россия еще не ведет войны с Портою, но дружественные сношения прерваны между обеими странами, и я не сделаю ни шага назад, когда дело будет идти о чести моей короны". Император отклонил решительно всякое вмешательство посторонней державы в распре между Россией и Турциею, в то, что он считал чисто русским вопросом. Веллингтон, которого задача состояла в том, чтобы удержать императора от войны, начал представлять, что поводы к войне, выставляемые с русской стороны, не имеют достаточной важности; но курьер уже вез в Константинополь русский ультиматум, состоявший из трех пунктов: 1) полное восстановление того положения, в каком находились Дунайские княжества до 1821 года; 2) немедленное освобождение сербских уполномоченных и точное исполнение Бухарестского договора относительно выгод, полученных Сербиею, и 3) высылка уполномоченных на границу для окончания прерванных переговоров относительно собственно русских дел. Ультиматум оканчивался грозой, что если через шесть недель требуемые статьи не будут выполнены, то русское посольство оставит Константинополь.

Грозный ультиматум упал как с неба на Порту. Занятая исключительно Греческим вопросом, раздраженная переменою английской политики и оскорбительными выходками английского посла Стратфорда Каннинга, Порта выпустила из виду Россию, тем более что известие об обстоятельствах, сопровождавших восшествие на престол императора Николая, подавало ей надежду на внутренние волнения в России, которые не дадут ее государю возможности думать о внешней войне: и вдруг громовой удар разразился с той стороны, с какой его вовсе не ожидали. Первый добрый приятельский совет смущенная Порта услышала из Вены. Греческое восстание поставило Меттерниха в тяжелое положение, нарушив драгоценный ему принцип общего вспоможения правительств против восставших подданных. "Во всяком другом случае, - говорил он, - государства были обязаны пред европейским миром и правом помочь султану против греков; но тут религия удержала их от этого: они не могли помогать грекам без нарушения основ международного права и не могли против них сражаться без нарушения религиозных интересов. Страдательное положение было здесь самое целесообразное. Россия первая отняла у держав выгоду положения. Она взяла себе в голову, будто вмешательство во что бы то ни стало составляет для нее необходимость, и так как она не могла действовать на греков, то устремила свою деятельность на Порту".

Эту деятельность, однако, удалось задержать на первое время, как вдруг Англия изменила. Решительный шаг императора Николая понравился в Вене; понравилось резкое разграничение, сделанное императором между двумя вопросами - Русско-турецким и Греческим. В Вену дали знать о словах императора, сказанных послам французскому, английскому и прусскому: "Дело России есть дело исполнения договоров, а не поддержка восстания, противного праву. Россия будет стараться покончить первое дело; если же другие государства захотят вмешаться во второе, то Россия может принять участие в их мудрых советах; но для этого ее отношения с Портою должны быть одинаковы с отношениями других дворов". Меттерниху также дали знать из Петербурга, что когда одного влиятельного русского сановника и ревностного защитника греков спросили, как он думает, что будет, если султан исполнит русские требования, - то он отвечал: "Тогда все пропало!"

В этих надеждах "дипломатический гений" предписал австрийскому интернунцию в Константинополе барону Оттенфельсу сообщить рейс-эфенди, что император Франц считает со своей стороны обязанностью дружбы и доброго соседства подать султану совет удовлетворить предложениям русского императора ввиду явной пользы, которая произойдет для Порты от этого удовлетворения, и важных опасностей, которые будут неизбежным следствием отказа. Представители других держав сделали Порте такие же внушения, и султан уступил: в Дунайских княжествах восстановлен был прежний порядок, сербские послы освобождены и назначены уполномоченные для переговоров с русскими уполномоченными на границах. Европейские посольства в Константинополе торжествовали это событие, думая, что все затруднения устранены; но радость была преждевременная.

Герцог Веллингтон, узнавши из слов императора и из посылки ультиматума, что Греческий вопрос у русского правительства не на первом плане, занялся им теперь с уверенностью, что здесь Англия будет играть первую роль. 24 марта (4 апреля) герцогом Веллингтоном - с английской и графами Нессельроде и Ливеном - с русской стороны был подписан протокол,

в котором обе державы обязывались содействовать примирению между Портою и греками. С английской стороны ссылались при этом на просьбу греков, адресованную ими британскому правительству, и на то, что Англия уже объявила Порте о своей готовности исполнить эту просьбу; русский же двор основывал свой поступок на религии, справедливости и человеколюбию. Условия примирения были поставлены следующие: 1) Порта удерживает свою верховную власть над Грециею; 2) Греция платит ей однажды навсегда определенную дань; 3) турецкие земли в Море и на островах отходят к грекам за известный выкуп; 4) Порта сохраняет известное участие при выборе правительственных лиц, которые должны все состоять из греков; 5) свобода религии и торговли; 6) отдельное и независимое управление.

Шаг был сделан; надобно было подумать о следствиях. Если Порта не согласится на означенные условия, надобно будет принудить ее к этому силою; при фанатическом упорстве турок дело легко может дойти до крайности, привести к разрушению Турецкой империи; но и независимо от этого государственный организм Турции до того слаб во всех своих частях, что грозит скорым разрушением. Надобно, следовательно, предусмотреть подобное событие, исполненное затруднениями всякого рода. "Умрет ли Турция от внутреннего истощения или от внешнего насилия - все равно, - сказал император Николай герцогу Веллингтону, - благоразумие требует не дожидаться открытия ее наследства, чтоб узнать наследников. Я готов объяснить об этом с Англиею". "Вопрос легче было бы разрешить, - отвечал герцог, - если бы в наследстве после султана Махмуда было два Константинополя. Я согласен, что Турция очень больна, но эта болезнь продолжается уже более трех столетий".

Веллингтон выехал из Петербурга, сделавши свое дело на бумаге; но едва успел он оставить русскую столицу, как в Лондон пришло известие из Константинополя от Стратфорда Каннинга, что ни греки, ни Порта не хотят принимать условий примирения, предъявленных Веллингтоном в Петербурге. "Дипломатический гений" в письме своем к барону Оттенфельсу в Константинополь не удерживается от резких выражений и насмешек над протоколом 23 марта. "Дело 4 апреля, - писал он, - все состоит из ошибок и слабости. Герцог Веллингтон приехал в Петербург с двояким заблуждением: он думал, что греческое дело здесь на первом плане и что император Николай ищет только предлогов к войне; разубедившись в этом словами мондрха и посылкою ультиматума, сделанную без ведома его, герцога, он захотел спасти английское посредничество. Тут он встретился с господами Нессельродом и Ливеном; оба, испуганные тем, что их новый государь покидает святое дело греков, и желая спасти это дело, употребили все усилия, чтобы связать английское посредничество с русским. С одной стороны, страх императора Николая, чтоб англичане не присвоили себе решительного покровительства над Пелопонезом и островами, а с другой - его вполне естественная неопытность в дипломатических делах повлияли на совершение дела, исполненного слабости и смеха. Император допустил его (Ga tolere). В результате будет нуль. Все недовольны - обыкновенная участь дипломатических глупостей, как всяких глупостей. Оставайтесь в отрицательном положении, но будьте благосклонны к примирению. Только близкое будущее может нам доказать, есть ли еще греки, которых надобно спасать. Если французский поверенный в делах будет сильно волноваться, постарайтесь его сдержать. Что несомненно выходит из протокола 4

апреля, так это совершенная свобода для нас поступать по собственному нашему усмотрению необходимости и приличий. Мы никогда не употребим во зло этой свободы; напротив, мы заставим ее служить общему делу и благу несокрушимого союза, который спас и спасет еще в будущем общественное и политическое тело. Наша роль в Восточном вопросе должна быть роль государства, дружественного Порте, старающегося охранить внутренний и внешний мир этой державы. Мы сознаем обязанность помогать ей нашими лучшими советами".

Но смеется тот, кто последний смеется. Несмотря на все благоговение к "дипломатическому гению", получивший это письмо, конечно, не мог не заметить некоторых странностей и противоречий, происходящих от сильного желания навязать, свою любимую мысль, что русский император неблагосклонно относился к грекам; что протокол 23 марта есть дело Нессельроде и Ливена. Если император не желал передать в руки одной Англии покровительство новорожденной Греции, то этим одним уже достаточно можно было объяснить необходимость участия России в протоколе: зачем же тут является еще неопытность в делах политических? Но весь этот набор объяснений был заведомо фальшивый у Меттерниха, потому что Татищев прочел ему депешу графа Нессельроде*, в которой дело было вполне уяснено и которая не допускала возможности заключать о какой-нибудь неопытности. Изложив побуждения к отсылке ультиматума, граф Нессельроде продолжал:

---

* От 17 (29) марта 1826 года.

"Что касается второй половины Восточного вопроса, то есть мер, относящихся к усмирению Греции, е. и. в. надеется, что союзники его отдадут справедливость побуждениям, заставившим не касаться в настоящее время такого деликатного предмета в спорах России с Портою. Во всех фазах переговоров, относившихся к вмешательству на необходимость которого для усмирения Греции император Александр постоянно указывал, согласным желанием союзников было, чтоб Россия могла быть поставлена в Константинополе на одну линию с другими державами посредницами и чтоб она могла обнаруживать полезное влияние. Император (Николай) имел в виду это желание; союзники легко признают, что система, им принятая, доставит все средства достигнуть в этом отношении результатов, которых требует религия, человеколюбие, интересы Европы. Если Диван, как мы надеемся, исполнит наши требования, то нет сомнения, что в таком случае оттоманская политика совершенно изменится и, присоединяя свои усилия к усилиям держав, занятых умиротворением той части Европейской Турции, где теперь свирепствует бич истребительной войны, Россия ускорит успех этого благородного предприятия этим самым влиянием своим, которое она получит вследствие блистательного удовлетворения Портою ее требованиям. Если же, напротив, Диван принудит императора прибегнуть к войне, то решения е. и. в., принятые в этом смысле, также будут содействовать умиротворению Греции. Греческий вопрос, следовательно, может быть всегда решен по желанию императора Александра, или обдуманном вмешательством, или вследствие энергических решений, которые принуждена будет принять Россия. Но чем нельзя более медлить, что император считает еще более важным - это определение собственных отношений России к Порте. Пока эти отношения не будут

определены, всякие другие окончательные переговоры невозможны, и если Россия будет принуждена оружием решать свою распрю с Портою, то император желает убедить Европу, что его требования справедливы, основаны на обещаниях неоспоримых и торжественных договорах; что его предложения представляли верное средство уничтожить всякий предмет дальнейшего спора между Петербургским кабинетом и Диваном. Император желает также, чтобы злонамеренность не могла обвинить Россию в требованиях, могущих повести к войне, обвинить в том, что для предъявления этих требований она воспользовалась восстанием. Император желает, чтобы в тот день, когда его войско выступит в поход, свойство прав, защиту которых она приняла на себя, и содержание ноты, которую он приказал передать Порте, уничтожили преступную надежду, которую люди волнений и беспорядков могли бы возложить на это событие".

Итак, если Порта удовлетворит русским требованиям, то и тут Россия воспользуется своим влиянием для окончания Греческого вопроса, то есть по меньшей мере заставит султана дать грекам самостоятельное управление, и "дипломатический гений" должен употреблять все усилия, чтобы Турция удовлетворила русским требованиям, ибо это меньшее зло - война должна повести к худшему; дипломатическая глупость Каннинга связала Англию с Россиею, то есть подчинила Англию России, дала последней такое выгодное положение; Франция слаба от внутренней неурядицы; но если и примет участие в деле, то будет за Россию, а не за Австрию. Еще при восшествии на престол императора Николая Австрия сделала Франции предложение согласиться насчет средств заставить Россию продолжать прежнюю бездейственную политику относительно Греции. Франция отвечала, что в турецких делах нужно принять политику, более сообразную с законными желаниями России и с истинными интересами остальной Европы. Русский двор сведал и о предложении, и об ответе. Когда австрийское министерство узнало, что в Петербурге дело известно, то поспешило вовремя запереться, что никогда не делало никаких предложений в этом роде и желает только одного: поддержания Священного союза во всей целостности.

Выставка союза была нужна, чтобы накинуть тень на протокол 23 марта. Россия, которая до сих пор так стояла за союз, теперь согласилась с чуждою союзу Англиею, без ведома членов союза, которые и прежде готовы были согласиться на статьи, занесенные в протокол. Австрийский посланник граф Лебцельтерн высказался перед императором Николаем, что протокол должен был неприятно удивить союзников. "Герцог Веллингтон мне сказал, - отвечал император, - что существуют переговоры между некоторыми из греческих вождей и Лондонским кабинетом и в Лондоне существует мнение, что план начальствующего турецкими войсками против греков Ибрагима-паши состоит в том, чтобы переселить всех греков из Морей и вместо них поселить мусульман. Я ему отвечал, что если это справедливо, то никто из союзников не потерпит подобного скандала. Я у него потребовал доказательств; он мне сказал, что материальных доказательств дать мне не может, но в Лондоне в этом убеждены, и британское министерство решилось предупредить такое важное событие и вмешаться в дело примирения, и он, герцог, имеет предложить мне некоторые основные пункты этого примирения. Видя, что Англия после многолетних оппозиций нашим желаниям сама идет к нам навстречу в этом деле, сама предлагает те основания, в которых союзники уже были согласны, что Англия решилась одна овладеть переговорами, я думал, что оказываю

услугу союзу, присоединяя к Англии тот самый союз, которого требования она прежде отвергала; я считал себя в эту минуту представителем всех союзников, блющим за их интересами. Минута была дорогая, герцог давал мне возможность воспользоваться ею, и я воспользовался. И, предполагая даже, что относительно меня существует недоверие, я говорил сам себе: будут себя успокаивать тем, что Россия станет полагать преграды английскому честолюбию, а Англия русскому. Мои намерения были чисты. С большим доверием к ним меня бы лучше поняли. Один только прусский король оценил положение, в котором я находился; он мне это доказал прелестным письмом, которое я буду хранить как драгоценный знак его дружбы"*.

---

* Депеши 7 июня 1826 г.

Вследствие уступки Порты требованиям императора Николая уполномоченные с русской и турецкой стороны съехались в Аккерман. Первая половина вопроса улаживалась окончательно; но на очередь становилась вторая, и в Вене сильно беспокоились. И что всего досаднее, греки потерпели сильное поражение; султан, следовательно, получил возможность прекратить восстание собственными средствами, а тут, как нарочно, вмешательство! Меттерних пишет австрийскому послу в Лондон князю Эстергази: "Если Пелопонез, один или с островами, представляет то, чего мы не допускаем - необходимые элементы для государства политически независимого, то существование такого государства достаточно, чтоб сделать существование Оттоманского государства в Европе проблематическим; соединение же всех стран, населенных греками, в одно целое сделало бы существование Порты невозможным. В том и другом случае образование независимой Греции будет синонимом изгнания турок из Европы. Чего может и чего должен желать наш двор? Он постоянно будет желать, чтоб первые причины движения, игры отвратительной и опасной, исчезли как можно скорее. Он не видит другого лекарства против зла, кроме умиротворения восставших областей! Но умиротворение может произойти тремя путями: чрез добровольное подчинение греков Порте; чрез окончательное усмирение восставших силою турецкого оружия; наконец - чрез полюбовное улажение дел с помощью держав, посредничающих между султаном и его возмущившимися подданными. Это последнее средство было предметом забот нашего двора в продолжение пяти лет. И теперь благодаря торжеству Порты над восстанием дело переменялось. Никогда мы не признаем права препятствовать умиротворению, которое держава, законно существующая, может совершить собственными средствами. Говорят об истреблении целого народа, о его переселении; не допуская даже возможность этих слухов и давая требованиям человеколюбия тот вес, какого они заслуживают, мы не принесем им в жертву принципов, с падением которых рушится все, что ни есть положительного, священного в кодексе международного права".

В сентябре 1826 года кончились переговоры между русскими и турецкими уполномоченными в Аккермане. Порта уступила всем требованиям России; между обеими империями восстановлялись вполне дружественные отношения; тайный советник Рибопьер, участвовавший вместе с графом Воронцовым в аккерманских переговорах, отправился теперь послом в Константинополь; но здесь задача его была труднее; здесь он вместе с представителями других европейских держав должен был настаивать, чтобы Порта дала Греции

устройство, согласно петербургскому протоколу 23 марта. Австрия не могла уклониться от общего дела, но, как охотно соглашался на это князь Меттерних, видно из депеш его Оттенфельсу от 30 декабря (н.с.): "Говоря с рейс-эфенди, вы не осуждайте, не оправдывайте, даже не входите в рассуждение насчет средств, предлагаемых дворами Лондонским и Петербургским; вы только поддерживайте как существующий факт планы, на которых остановились дворы". Не уклоняясь от общего действия для решения Греческого вопроса, Меттерних продолжал, однако, настаивать, чтобы это решение было актом воли султана, а не следствием посредничества европейских государств. С русской стороны доказывали ему всю непрактичность подобного требования. "Если бы, - писал граф Нессельроде Татищеву, - можно было дать такой характер окончанию печальной борьбы, то, конечно, мы не стали бы этому противиться; думаем, что Англия и другие дворы не стали бы возражать против такой развязки, если бы только акт Порты был точно так же гарантирован, как гарантированы акты, относящиеся к Молдавии, Валахии, Сербии, ибо без этой гарантии греки будут смотреть на уступки Порты как на обман".

Наступает 1827 год, в который Греческий вопрос так или иначе должен был решиться. В Петербурге видели ясно, что он может решиться только энергическими средствами. "Мы не скрываем, - писал гр. Нессельроде Татищеву, - что средства ведения дела, в которых мы условились уже с союзниками, кажутся нам недостаточными. Мы на них согласились, потому что нам нужно исчерпать все пути примирения; но мы не верим в их действительность, ибо наш собственный опыт заставляет нас предвидеть случай, когда эти средства окажутся недействительными, и мы предлагаем Великобритании условиться насчет дальнейших средств. Решено, в случае отказа со стороны турок, пригрозить им признанием независимости Греции. Можно ли иметь уверенность, что эта угроза склонит Порту к уступчивости; Турки не могут не видеть, что Греция, разделенная на партии, управляемая эфемерными властями, не может еще быть признана союзными державами как независимое государство.

Только в отдаленном будущем турки могут предусматривать возможность осуществления сделанной им угрозы, и этот страх пред отдаленною бедою заставит ли их согласиться на пожертвование непосредственное? Не думаем. То же самое можно сказать и о решении более энергическом - отозвать посланников. И это решение не дает полной уверенности в успехе. И сначала Порты умела различать, с свойственной ей проницательностью, простые дипломатические демонстрации от твердо принятых решений. Издавна она привыкла быть равнодушной к первым и готовою уступить вторым. В 1821 году мы прервали с нею дипломатические сношения; наши союзники не пощадили угроз, и, однако, нашим самым справедливым требованиям не было удовлетворения; но Порты по инстинкту угадала минуту, когда ее сопротивления должны были прекратиться, - и в пять месяцев покончено было дело, которое не могло быть кончено в десять лет, как скоро Порты признала, что ее упорство может возыметь для нее опасные следствия".

Для приглашения союзников к постановлению дальнейших мер, в случае упорства Порты, Россия воспользовалась предложением Франции обратиться к протоколу 23 марта в договор и, таким образом, дать обязательствам более торжественный характер. И в протоколе 23 марта Россия и Англия отказывались от всяких исключительных выгод; то же самое Россия предлагала внести и в договор. Порты ускорила заключение этого договора: на

требования Стратфорда Каннинга рейс-эфенди отвечал, что султан, по закону божественному, по праву завоевания и по торжественному признанию от всех держав, есть законный государь областей, находящихся теперь в возмущении, и потому никогда не признает ни за каким иностранным двором права вмешиваться между ним и возмущившимися подданными. Так как Порта не вмешивается во внутренние распри Англии с ирландскими католиками, то надеется, что и Англия удержится от вмешательства в греческий мятеж. На представления Рибопьера, что мир и дружба, восстановленные между Россией и Портою в Аккермане, могут утвердиться окончательно только с умиротворением Греции, которое одно установит мир в Европе, - рейс-эфенди выразил удивление, что Россия теперь мир и дружбу между обеими империями приводит в зависимость от греческих дел, тогда как в Аккермане она высказалась, что не предъявит никаких требований относительно греков.

"Вы ошибаетесь, - отвечал Рибопьер, - никогда русские уполномоченные этого не объявляли и не могли объявить, потому что император никогда не отказывался и не откажется от своих прав стараться об умирении Греции; если граф Воронцов в жару разговора вам сказал, что Россия не будет говорить в Аккермане о греческих делах, то эти слова имели такой смысл, что Русский двор не хотел усложнять еще более распри между двумя правительствами; он хотел прежде всего покончить свою честную распрю, чтоб потом обратиться к Порте, как держава дружественная, с представлением о необходимости умирить Грецию". "Ни угрозы, ни оружие, - возразил рейс-эфенди, - не заставят Порту отказаться от решения не допускать постороннего вмешательства, и если этот предмет подаст повод к перерыву дружественных отношений между обеими империями, то Порта и тут не переменит своего решения; она знает страшные силы России; знает, что не может бороться с нею: но оттоманы предпочтут скорее удалиться в Азию, чем допустят принцип, разрушающий верховную власть и независимость, именно принцип вмешательства державы между государем и его возмущившимися подданными!" И Рибопьер, и рейс-эфенди говорили решительно, но ни с той, ни с другой стороны не было перейдено за пределы дружественного тона; но барон Оттенфельс, передавая об этом Меттерниху, в то же время передавал ему и тревожные вести: Рибопьер говорил одному из доверенных лиц: "Я приехал в Константинополь не затем, чтоб интриговать; я иду прямо к цели, потому что я орган силы!"

Другие известия сообщил барон Оттенфельс Меттерниху о Стратфорде Каннинге, который, по этим известиям, являлся кающимся грешником, ищущим спасения в советах и поддержке австрийского интернунция. "Англия и Австрия, - говорил Стратфорд Каннинг Оттенфельсу, - Англия и Австрия - два государства, которые представляют настоящих хранителей европейского равновесия; они не могут желать его разрушения и встретятся наконец, как бы ни были по наружности различны пути, по которым они идут. Нас несправедливо осуждают за этот несчастный протокол 4 апреля (23 марта); я не перестану никогда жалеть о том, что он появился на свет, и очень бы хотел уничтожить его тем или другим способом; но есть ли теперь какой-нибудь способ к этому? Чтобы судить нас по справедливости, надобно взять во внимание время, когда протокол был подписан. Тогда мы были убеждены во враждебных замыслах России против Порты, и, хотя бы собственно русские вопросы были решены удовлетворительно, что казалось тогда невероятным, все же Петербургский двор нашел бы в греческих делах предлог к войне с турками, и, чтоб именно связать ему руки, мы и задумали эту сделку. Теперь

мы видим, куда это нас завело; ясно, что Россия имела в виду только свои интересы, свои честолюбивые виды. Осуждают наше поведение относительно испанских колоний в Америке и видят сходство в нашем поведении относительно Греции и нашим поведением относительно Испании. Но в Америке дело шло только о наших торговых выгодах; тут мы виноваты разве только в том, что скорее других народов увидели, что американские колонии потеряны для Испании; мы первые поняли дело так, как оно есть; другие государства не замедлили последовать нашему примеру. Но все это неприложимо к Греции; наши торговые выгоды требуют щадить Порту; правда, быть может, мы слишком уступили давлению общественного мнения в Англии и в Европе, которое высказывается сильно в пользу греков, но вы знаете наше положение: английское правительство не могло пойти прямо против общественного мнения. Но что сделано, то сделано. Теперь только вы можете мне помочь. Надобно уяснить Порте настоящие виды Англии. Сам я этого сделать не могу; мне никогда не поверят; я своим поведением раздражил Порту; рейс-эфенди ненавидит меня и мое правительство". На другой день барон Оттенфельс написал рейс-эфенди, что британский посланник является кающимся грешником (*se persente en pecheur penitent*) и желает помириться с его превосходительством.

Но раскаяние было бесплодно. Что сделано, то сделано, и надобно было, хотя бы и поневоле, доделывать. От русского вопроса: "Что будем делать, если Порта отвергнет наши представления?" - нельзя было уклониться. Франция, которой очень не нравилась связь между Россией и Англией, требовала общеевропейского постановления и действия. 6 июля (н.с.) в Лондоне заключен был договор уполномоченными России, Англии и Франции. Договаривающиеся державы предложат Порте свое посредничество для примирения между нею и греками. Предложение будет сделано сообща, и в то же время от обеих воюющих сторон потребуются перемирие. Остальные условия примирения оставлены те же, какие были означены в петербургском протоколе 23 марта 1826 г. Договаривающиеся державы обязались не искать никакого земельного приобретения, никакого исключительного влияния, никакой особенной торговой выгоды. Если по истечении месячного срока одна из воюющих сторон не согласится на перемирие, то договаривающиеся державы принимают меры для воспрепятствования дальнейшим столкновениям между воюющими сторонами, не принимая, впрочем, участия во враждебных действиях между ними.

1876 г.

III. ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС В 1827, 1828 И 1829 ГОДАХ

6 июля 1827 года в Лондоне уполномоченными России, Англии и Франции был заключен договор, по которому эти державы обязались сообща предложить Порте свое посредничество для примирения ее с восставшими греками, причем потребовать от обеих воюющих сторон перемирия. Когда в Вену пришло известие об этом договоре, то Меттерних написал интернунцию в Константинополь: "Договор может повести к чему угодно, только не к тому, для чего заключен. Наверное, поведет он к войне между Россией и Портою. Англия будет этому содействовать, но сама воевать не будет; Франция будет игрушкой своих союзников и своих собственных ложных расчетов".

16 августа (н.с.) представители России, Франции и Англии (Рибопьер, Гильемино и Стратфорд Каннинг) передали рейс-эфенди ноту: почти уже шесть лет великие европейские державы стараются склонить высокую Порту

Оттоманскую к умирению Греции. Их старания оставались бесплодными - и затянулась война истребительная, результатами которой были, с одной стороны, страшные бедствия для человечества, а с другой - потери, ставшие нестерпимыми для торговли всех народов. Поэтому невозможно допустить, чтобы судьба Греции касалась исключительно одной Порты Оттоманской. Вследствие договора, заключенного нами, три державы предлагают Порте свое посредничество и перемирие и будут ждать решения оттоманского правительства 15 дней; в случае же нового отказа или уклончивого и недостаточного или совершенного молчания прибегнут к средствам, которые сочтут самыми действительными для прекращения положения, несовместимого с истинными интересами Порты, с безопасностью торговли и спокойствием Европы.

Ответа не было. По прошествии срока посланники переслали другую ноту, что союзные дворы постараются всевозможными средствами достигнуть перемирия, то есть, другими словами, постараются не допустить дальнейшего столкновения между турками и греками, причем дружеские отношения союзных держав к Порте должны остаться ненаружимыми. Ответа не было. Рейс-эфенди говорил австрийскому драгоману: "Посмотрим, как далеко пойдут меры наших врагов. Греция, свобода, прекращение кровопролития - все это одни предлоги. Нас хотят выгнать из Европы". Египетский вице-король Мехмед-Али дал знать султану, что к нему является английский полковник Кроудок с предложением от имени трех союзных держав отозвать сына, Ибрагим-пашу, из Морей, и за эту услугу державы предлагают независимость Египта; но Мехмед-Али не принял предложения. 8 августа (н.с.) умер Каннинг, оставивший своим преемникам тяжелое наследство: со страшным неудовольствием, с сознанием, что освобождение Греции вовсе не в интересах Англии и даже опасно ей, - они должны были продолжать греческое дело, потому что бросить его, начавши с таким жаром, выставившись на первый план, - до этого не могла прийти даже и бесцеремонность английской политики. Раздражение, происходившее от сознания трудности дела, усиливалось сильным беспокойством, подозрительностью относительно намерений России. Лорд Дадлей, принявший управление иностранными делами, обратился однажды на прогулке с такими словами к австрийскому послу князю Эстергази: "Что вы думаете о намерениях России в греческом деле?" "Следовало бы мне скорее обратиться к вам с этим вопросом, - отвечал Эстергази, - я чувствую себя неспособным отвечать на него; впрочем, я не поколеблюсь признаться в своих опасениях, что Англия зашла слишком далеко вперед в этом деле против собственных своих интересов и интересов Европы".

В Вене вздохнули свободнее, когда узнали о смерти Каннинга. Здесь увидели, что три державы и Порта находятся в таком положении, которое отымает у них свободу движения; им трудно, пожалуй и невозможно, ни двинуться вперед, ни податься вперед, ни податься назад. Но Австрия совершенно свободна и потому может предложить свое посредничество, причем дело может пойти по ее желанию: интересы союзников различны и даже противоположны; следовательно, связь между тремя державами искусственная и хрупкая. Предложение посредничества сделано Порте и принято ею; в письме великого визиря Мегемета-Селима-паши к Меттерниху говорилось, что Порта готова вступить снова в дружеские отношения со всеми державами, если прекратится их несправедливое вмешательство в ее внутренние дела.

Из Лондона пришло новое утешительное известие, доказывавшее, что в Вене не обманулись в том, что "связь между тремя державами была искусственная и хрупкая". Лорд Дадлей сообщил кн. Эстергази под секретом наказ, отправляемый в Константинополь Стратфорду Каннингу. Последний должен был объявить дивану, что британское правительство адресует еще раз единственно от себя в дружеском тоне к Порте: оно советует ей принять предложение трех держав. Британское правительство, желая положить конец настоящим ужасам и анархии и спасти часть греческого народа от верной гибели, желает в то же время упрочить политическое существование Турции, а средство для этого - согласие на предложение трех держав. Естественно, что Порта может находить достаточные основания для своих беспокойств и подозрений насчет одной из трех держав, подписавших Лондонский договор; но ее должны успокоить чувства двух других держав - Франции и Великобритании. Принятие ею предложений будет иметь непосредственным следствием то, что она восстановит свои прежние отношения с поименованными двумя державами, которые будут тогда в состоянии или удалить от нее всякую опасность, могущую родиться от развития честолюбивых видов третьей державы, или обеспечить ее с успехом, чего она не достигнет, если поведет себя иначе.

Но эти внушения не успели еще достигнуть Порты, как она была поражена известием, что флот ее истреблен в Наваринской гавани соединенными эскадрами трех союзных держав: Россия, Англия и Франция объявили, что прекратят военные действия между турками и греками; для исполнения этого обещания необходимо было их соединенным эскадрам не дать движения турко-египетскому флоту Ибрагим-паши, что и было сделано в Наваринской гавани; вопрос состоял в том, согласятся ли турки на бездействие; первый выстрел последовал с их стороны, и флот их был истреблен.

И после этого события в Константинополе продолжался дипломатический турнир, который мог доставить удовольствие одному только австрийскому интернунцию, желавшему во что бы то ни стало протянуть время. Посланники союзных держав оставались при своих прежних требованиях. "Наваринская битва, - говорили они, - есть необходимое последствие Лондонского договора, и наши дворы будут крепко его держаться". Турки требовали, чтобы союзные державы отказались от всякого вмешательства в греческие дела и вознаградили Турцию за истребление ее флота. "Если греки, - говорил рейс-эфенди, - получают льготы вследствие измены и бунта, то как это подействует на остальных райев? Наша уступчивость заставит наших друзей ежедневно прибегать к новому вмешательству. Разве вы не можете тогда нам сказать: "Если ваши бунтовщики получили льготы, дайте такие же льготы вашим верным подданным"; эти льготы, которые изменяют все положение райев, разве не образуют государства в государстве?" "Мы требуем льгот не для всех греков, а только для жителей собственной Греции", - представляли посланники. "Ваши требования не могут быть исполнены, - говорил рейс-эфенди, - они противны религии и национальности, и никакой договор не дает державам права вмешательства. Вы говорите о собственной Греции и упускаете из виду, что религия и патриарх соединяют всех греков. Если эта связь будет существовать, все греки будут требовать того, что уступлено одной их части". "Все католические государства признают одного папу, и это нисколько не мешает их независимости", - говорили посланники. "Так наши друзья желают для греков отдельного управления? - возражал рейс-эфенди. -

Султан объявил последние уступки, которые он может сделать грекам: не требовать с них за шесть протекших лет поголовной подати, которую они не заплатили; не требовать вознаграждения за понесенные убытки; со дня покорности освободить их от всех податей на год". Посланники объявили, что эти уступки недостаточны. Порта замолчала. Посланники потребовали паспортов, но и тут сделали последнее представление: "Не согласится ли Порта дать грекам обозначенные в Лондонском договоре права, если греки сами будут с покорностью просить о них пред престолом султана". Получив отказ, посланники оставили Константинополь 8 декабря (н.с.).

Таким образом, в 1828 году дело должно было решиться оружием. Как же будет вестись эта война и чем она должна кончиться? Этот вопрос занимал газеты всех партий, и, по обычаю, газеты толковали о гигантских проектах русской политики, о замышляемых ею приобретениях, о желании разрушить Оттоманскую империю, овладеть Константинополем. Зная, что кабинеты (преимущественно английский) вовсе не чужды этих газетных мнений; зная, что выражение "союзные державы - Россия, Англия и Франция" заключало в себе большую иронию, но желая вместе с тем всеми зависящими средствами поддержать союз, вести дело втроем сообща, император Николай приказал графу Нессельроде отправить в Лондон князю Ливену откровенное изложение русской политики, ее интересов и требований. Перерывом дипломатических сношений с Портою Россия поставлена в печальное положение; ничьи интересы так не страдают от этого, как ее - страдают интересы материальные, торговые, страдают интересы нравственные относительно Дунайских княжеств, Сербии, отношения которых определялись было Аккерманским договором, а теперь ничто не будет исполнено.

С великим удовольствием император узнал, что князь Ливен (11 декабря н.с.) подписал новую декларацию союзным державам, что они по-прежнему будут действовать бескорыстно, к каким бы мерам ни принудила их политика дивана. В этом случае не отвлеченное правило великодушия, не пустое славолубие руководит политикою императора, здесь настоящий интерес России. Для России важно, чтобы в Греции образовалось государство, могущее вести свободную торговлю с Черным морем; и этот интерес тождествен с интересом других торговых государств. Для России также важно пользоваться на Востоке влиянием, принадлежащим ей по праву; но это влияние не исключает влияния других дворов европейских и по тому самому не может возбудить ни основательных опасений, ни законного соперничества. Россия, с другой стороны, не имеет никакого интереса увеличивать свои владения или разрушать Оттоманскую империю; с того дня, как Греция будет организована на основании договора 6 июля, а турецкое правительство соблюдет условия, вытребованные нами в Аккермане, - это правительство будет в наших глазах самым удобным соседом, и мы не можем желать более благоприятного блага России. Мы не перестанем повторять, что ни падение Турции, ни завоевание не входят в наши виды, потому что они были бы для нас более вредны, чем полезны. Впрочем, если бы, несмотря на наши намерения и усилия, Божественное Провидение предназначило нас быть свидетелями последнего дня Оттоманской империи, идеи его величества относительно расширения русских пределов останутся те же самые. Император не раздвинет границ своих владений и потребует от своих союзников только такого же отсутствия честолюбия и своекорыстных интересов, которого он первый покажет пример.

Таков будет неизменно наш единственный ответ на фразы, наполняющие газеты всех партий, относительно гигантских проектов русской политики, относительно приобретений, о которых она мечтает, относительно нашего желания разрушить Оттоманскую империю и овладеть Константинополем. Ручательством нашей умеренности служат для союзников наши истинные интересы и наши торжественные обещания. Существуют ли между государствами гарантии более верные? Относительно средств заставить Порту подчиниться условиям договора 6 июля Россия конфиденциально предложила союзникам следующее: русское войско перейдет Прут, займет Молдавию и Валахию и не остановится, пока Порты не примет всех условий Лондонского договора, исполнение которого будет единственной целью этих мер. Русские войска займут турецкие области во имя трех дворов - русского, французского и английского. Со стороны всех означенных дворов будет торжественно объявлено, что провинции эти будут возвращены немедленно Порте, как скоро цель войны будет достигнута; союзники, сверх того, обнаружат свои взаимные обязательства не искать завоеваний и исключительных выгод. Союзные эскадры должны содействовать сухопутным русским войскам, защищая греческие берега или действуя наступательно, нападая на места, занятые турками в Море, на Александрию, и даже явиться пред Константинополем для предписания мира султану. По мнению императора, чуждое вмешательство в отношения союзников к Порте не должно быть допущено ни в коем случае, ни под каким видом; оно не может повести к удовлетворительным результатам и противно достоинству трех дворов, которые должны одни достигнуть этого результата.

Последние слова предложения, разумеется, относились прежде всего к Австрии: император Франц объявил Татищеву, что он не только не будет поддерживать Порту, но прямо объявит ей, чтобы не ожидала ни посредничества, ни поддержки со стороны Австрии. Это объявление вызвало письмо от императора Николая (7 января 1828 года), в котором русский государь заявлял императору Францу, что союзники никогда не позволят себе удалиться от основного принципа союза, который не позволяет завоеваний и исключительных выгод: таким образом, действия союзников никак не нарушат интересов Австрии, никакое общее колебание не потрясет настоящего положения владений и равновесия государств, установленных актами 1814, 1815 и 1818 годов.

Но Поццо-ди-Борго от 2 февраля писал: "Невозможно объяснить противоречия Венского двора. 15 декабря император Франц обещает Татищеву уговаривать Диван, чтоб тот принял предложения союзников, и объявляет, что в случае упорства Порты не должна ждать никакой поддержки от Австрии. От 22 января граф Аппони (австрийский посланник в Париже) сообщает Тюльерийскому кабинету длинную ноту, где дает союзникам совершенно другие советы, чем какие его кабинет дал туркам. Французское министерство сообщило об этом обстоятельстве лондонской конференции, и лорд Дадлей объявил, что сам князь Эстергази (австрийский посланник в Лондоне), спрошенный об этом деле, отвечал, что ничего не знает".

В то же время князь Ливен сообщил Поццо из Лондона известие, что Австрия хочет устроить Галицию под именем Польского государства для сына Наполеона, герцога Рейхштадтского. Дело было в том, что Австрия не хотела ни под каким видом освобождения Греции; Англия не хотела, чтобы при этом освобождении главная роль принадлежала России, чтобы Турция принуждена

была согласиться на это освобождение походом русского войска, который мог иметь неожиданные последствия, разрушить Турецкую империю, по крайней мере нарушить ее целостность и во всяком случае усилить влияние России. Пусть русский император дает торжественные обещания, что он не увеличит своих владений и не желает разрушения Оттоманской империи: дело не в увеличении владений, а в усилении влияния России на Балканском полуострове. Вот почему в ответе на русское предложение говорилось, что "нашествие на Оттоманскую империю" (l'invasion de l'Empire Ottoman), какими бы уверениями оно ни сопровождалось, породит опасения и возбудит страсти, несовместимые с спокойствием цивилизованного мира; после долгой тишины, которую наслаждалась Европа, невозможно государственному человеку спокойно смотреть на первое движение великих армий и первое столкновение великих государств. Опыт заставляет бояться, что такая борьба будет только началом длинной цепи замешательств и бедствий. Сознание опасности нарушения мира выражалось постоянно в поведении союзников; мирный дух обнаруживается и в самом Лондонском договоре. Положено было принять меры для установления фактического перемирия между Портою и греками; но исполнение этих мер не должно было вести к настоящим неприятельским действиям. Наваринская битва нарушила эту предосторожность; но это неожиданное событие не переменяло ни природы договора, ни намерения союзников, обнаруженного в новых заявлениях в Константинополе, не изменило мирных отношений между этими государствами и Портою.

Договор имел исключительно в виду состояние Греции; следовательно, операции, ограниченные Грециею, будут иметь двойную выгоду - содействовать конечной цели предприятия и не возбуждать опасений насчет целостности Оттоманской империи, которые непременно возбудятся, если сухопутные войска и флот отправятся к ее столице и будут заняты области, отдаленные от страны, в пользу которой условлено действовать. Война между Россиею и Портою в настоящих обстоятельствах получит характер религиозной войны. Турки, расвирепевши от нападения, направленного, по их мнению, против их веры и владений, не будут сообразоваться с правилами, которыми обыкновенно руководятся державы в войнах чисто политических. Восстания обнаружатся повсюду в их империи, и дело, начатое в видах примирения и человеколюбия, кончится сценами убийства и опустошений.

Британское правительство предлагало ограничиться очищением Морей от турок и занятием Коринфского перешейка, после чего будет приступлено к организации Греции под покровительством союзных эскадр и с помощью торговых агентов; морские разбои были бы прекращены, и мирная торговля народов получила бы правильное течение. Чтобы заставить Порту согласиться на принятие посредничества, нужно: с точностию определить пространство страны, к которой оно относится; определить дань, которую греки должны платить Порте; определить вознаграждение, которое должны получить турки за свои земли в Греции; наконец, определить права надзора Турции над Грецией.

"Английская нота, - писал Поццо-ди-Борго, - составлена в таком смысле, как будто бы никогда не было Лондонского договора и как будто бы вопрос начался только сегодня, тогда как инструкции, данные посланникам и адмиралам, устанавливали употребление силы, чтобы заставить Порту согласиться на план примирения. Из этих инструкций очевидно, что употребление принудительных, то есть враждебных, мер было принято в принципе и приложено на практике. Мы должны серьезно исследовать

положение, в какое ставит нас завистливая политика Англии и деятельная и неутомимая ненависть Австрии. По нашему мнению, Императорский кабинет напрасно будет рассчитывать на успех коллективной системы, для которой его великодушие принесло столько жертв. Принимая эту систему, он имел целью посредством общего действия достигнуть результатов, получить которые своими одиночными усилиями ему казалось слишком опасным. С своей стороны Великобритания, соединяясь с Россией, хотела воспрепятствовать этому одиночному действию и предполагавшейся его цели. Франция присоединилась к двум другим государствам, чтоб не остаться одинокою и в надежде устранить столкновения. Австрия избрала враждебную роль с явным намерением уничтожить все эти соображения, замедляя все, способствовавшее их осуществлению, и держа себя в готовности воспользоваться обстоятельствами для внесения смуты в союз. Английский план составлен для того, чтоб оставить Россию и на будущее время в тех неприятных отношениях, в каких она находится к Турции. Разум нам указывает, что смелость и меры правительств, враждебных или завистливых, будут всегда в противоположном отношении к идее, которую они составят о нашем могуществе*.

---

* Тогда разум, а теперь опыт, и какой опыт? Вспомним Крымскую войну.

Положению Австрии и Англии мы должны противопоставить свое собственное и уверить их на деле, что нас нельзя захватить врасплох и что мы в состоянии воздать с лихвою за зло, которое захотят нам сделать. Если князь Меттерних убежден в этой истине, то не посмеет компрометировать империю, которую управляет; а если осмелится, то почувствует следствия. Его слабость сообщится Англии. Для ослабления этой державы наша рука должна быть поднята над Австрией; интерес Англии, состоящий в том, чтобы не подставлять Австрию под удары и не давать нам случая к торжеству, сделает ее посговорчивее. Если эти истины не утвердятся в головах герцога Веллингтона и князя Меттерниха, то мы будем встречать во всем препятствия, и нет интриги или заговора, которых бы против нас не употребили. Франция вела себя твердо и честно..."

Порта упрощала отношения, вызывая Россию на войну. Она разослала ко всем начальникам провинций гатти-шериф, в котором Россия была представлена как непримиримый враг Оттоманской империи и мусульманства: Россия произвела восстание греков; по ее ухищрениям Англия и Франция отнеслись враждебно к Порте; она нарочно возбудила против Турции внутренних и внешних врагов, чтобы помешать преобразованиям, которые должны были возвратить Турции прежнюю силу. Тщетно австрийский интернунций и прусский министр хлопотали изо всех сил, чтобы воспрепятствовать обнародованию этого гатти-шерифа: европейская печать овладела им, и никто не смотрел на него иначе как на объявление войны. За словом следовало дело: все русские подданные были изгнаны из турецких владений. Наследник персидского престола Аббас-Мирза сообщил генералу Паскевичу, что Порта приглашает персиян продолжать войну с Россией, обещая им в скором времени деятельную помощь; наконец, Порта объявляла, что она вовсе не обязана исполнять Аккерманский договор.

Князь Ливен должен был объявить английскому правительству, что если Порта объявляет войну России, возбуждая против нее всех мусульман, то

Россия должна вступить в борьбу и даже поспешить этим вступлением, чтобы поскорее покончить войну, чтобы не быть принужденною сделать ее слишком решительною и быть в состоянии уменьшить затруднения мира. Какое государство может позволить, чтобы его торговля была остановлена, его подданные выгнаны, его честь оскорблена, его договоры затоптаны ногами? Какое государство может оставить подобные действия безнаказанными? Права России в этом случае неоспоримы и независимы от всех соглашений с другими государствами. Император принужден отвечать войною на войну, и его войска немедленно перейдут Прут. Публичная декларация будет предшествовать этой мере. Все европейские государства найдут в ней обычную умеренность его императорского величества. Россия не предположит для себя ни завоеваний, ни падения Оттоманской империи. Она будет искать только средств обеспечить безопасность и свободу своей торговли, возобновить договоры, нарушенные Портою, помочь христианским народам, которых эти самые договоры ставят под покровительство императора, наконец, получить вознаграждение за убытки торговые и военные. Во всяком случае Россия, раз принужденная прибегнуть к оружию, считает обязанностью чести привести в исполнение Лондонский договор. Английское правительство (с герцогом Веллингтоном во главе) было в крайне затруднительном положении; оно не могло отвергать права России начать войну с Турциею и в то же время больше всего боялось этой войны и успехов России, которые дадут последней главную роль и приведут Греческий вопрос к иному решению, чем какого желала для него Англия. Эта затруднительность положения и раздражение, отсюда происходящее, выразились в ответе князю Ливену. В ответе прямо высказывалось, что теперь союз между Россиею, Англиею и Франциею должен рушиться.

Франция и Англия должны идти по дороге, указанной Россиею, или вовсе не действовать. Война России с Турциею величалась нашествием (invasion) на Турецкую империю, и объявлялось несочувствие его британского величества к этому нашествию. Указывалось на опасность, какую это нашествие грозит спокойствию Европы. Английский кабинет должен был признаться, что принятием побудительных мер, Наварином, удалялись от главного правила, запрещающего иностранным державам вмешиваться в распри государя с подданными: но здесь позволено было только требуемое необходимостью, а в прочем король хотел по возможности держаться предписаний народного права. Недаром ждали целых шесть лет (и как будто хорошо делали?), прежде чем перешли за линию дружественных внушений. Надобно было давать время на размышление державе, которую вовсе не хотели уничтожить или унижить, а только направить на путь спасения и спокойствия (и после еще 50 лет направляли - с большим успехом!). Продолжительность бедствий необычайных может оправдать решение необычайное; но вмешательство не должно переходить меры зол, которые предположено целить; было бы несправедливо и неразумно рисковать разрушением империи для возможности улучшить положение части ее подданных, и уничтожение пиратства на морях левантских обошлось бы слишком дорого, если бы следствием была всеобщая европейская война (вот до каких мелких размеров был низведен Восточный вопрос!).

Оканчивали угрозою: "Война между двумя великими державами не может никогда быть так ограничена, чтоб не оставляла за остальною Европою права наблюдать за ее ходом и обсуждать результаты. Россия, считая себя

оскорбленную, может требовать удовлетворения; но в эпоху окончательного решения спора интересы других государств, не принимавших участия в борьбе, должны будут также быть приняты в соображение". Кн. Ливен отвечал выражением удовольствия своего правительства, что английский кабинет по своему просвещению и справедливости признал за русским императором право объявить войну Турции. Это признание есть акт, который, открывая Порте глаза относительно одиночества, в какое она себя ставит, может только содействовать сокращению войны. Франция и Пруссия также признали справедливость русского дела; сама Австрия не выражает ни малейшего намерения поддерживать Турцию. Такое единодушие держав рассеет заблуждение Порты; а если европейские державы желают, чтобы Россия не была принуждена продолжить и распространить свои военные действия, дать им силу, которая подвергнет опасности судьбы Оттоманской империи; если державы желают, чтобы император не увеличивал количества вознаграждений по мере делаемых им пожертвований, то это единодушие представляет лучшее ручательство в успехе их усилий, лучшее средство получить счастливые и важные результаты. Англия говорила: пусть Россия начинает войну; но пусть знает, что за ее действиями будут зорко следить, не дадут ей распоряжаться в Турции, как ей угодно; заставят ее сообразоваться с интересами тех держав, которые и не воевали. Россия отвечала: от европейских держав зависит, чтобы война скоро прекратилась, Турция не подверглась большой опасности и выгоды других государств не были нарушены: пусть только будут спокойны и не вмешиваются в войну.

Но если Россия требовала единодушия держав относительно невмешательства, то в Англии старались уничтожить это единодушие. Французский посланник в Лондоне князь Полиньяк должен был предложить английскому кабинету присоединиться к плану русского двора и действовать в духе договора 6 июля, несмотря на причины, заставившие Россию приняться за оружие. Но Полиньяк скоро должен был известить свой двор, что он не надеется на успех своего предложения; Англия выходит из союза, будет действовать смотря по обстоятельствам и будет искать союзников на континенте. Прежде всего она стала предлагать Франции остаться в союзе с нею и объявить Россию вышедшею из союза, но встретила сильный отпор. Король сказал Поццо-ди-Борго, что герцог Веллингтон заблуждается; что идея исключить Россию из участия в исполнении договора 6 июля противна праву и политике; что во всяком случае вмешательство императора в восточные дела есть условие необходимое, особенно же когда 200 000 русского войска стремятся в сердце страны, о которой надобно совещаться; что Франция употребит все возможные старания не ссориться с Англиею, но что не скомпрометирует себя относительно России и не разлучится с нею никогда. "Во Франции, - писал Поццо, - желают освобождения греков, усматривают вдали изгнание турок из Европы, завидуют Англии и, однако, не знают, как извлечь какую-нибудь существенную для себя выгоду из успехов России. При таком нерешительном положении господствует одна идея - приготовляться и ожидать событий".

Но в России, зная враждебность Англии и Австрии, желали большей определенности в отношениях к Франции. Поццо обратился к министру иностранных дел Лаферроннэ с вопросом: что будет делать Франция, если Англия и Австрия объявят войну России? 9 апреля Поццо был позван за ответом к самому королю; Карл X сказал ему: "Война императора с Портою

справедлива, потому что султан нарушил договор, которого печать еще не успела простыть. Я не думаю, чтоб Англия объявила вам войну. Если такое несчастье случится, то я найдусь в большом затруднении, ибо если я вступлю в союз с Россиею, то должен буду ожидать, что все удары обратятся на Францию, которая не имеет средств отплатить равною монетою в войне чисто морской. Но если мы сделаем значительные приготовления и будем поддерживать с императором самые дружественные отношения, то английское правительство не раз подумает, прежде чем решится; а если решится, то положение Франции, готовой принять участие в борьбе смотря по обстоятельствам, сильно будет ее беспокоить". Тут Поццо сказал: "Государь! Есть еще обстоятельство: если Австрия соединится с Англиею против России?" Король прервал его и сказал решительным тоном: "Тогда император найдет во мне искреннего друга и верного союзника. Но нам нужно ввести Пруссию в нашу систему; она подбавит большую тяжесть на весы, и Франция получит бесконечное облегчение, если избегнет необходимости бороться с нею".

В то время как Поццо пересылал в Петербург описание своего разговора с Карлом X, австрийский посланник в Петербурге граф Зиши пересылал князю Меттерниху описание своего разговора с императором Николаем. Император начал подробным рассказом о том, как началось дело с приездом герцога Веллингтона в Петербург: "Он мне начал говорить о восстании греков; о невозможности со стороны Порты потушить восстание и установить порядок; о страшных страданиях человечества; о крови, несправедливо пролитой, без достижения цели; наконец, о торговых потерях, претерпенных уже всеми народами, и потерях, которые они должны будут претерпеть, если не положить конец такому состоянию дел. Я отвечал герцогу, что буду очень рад присоединиться ко всякой мере, которую он сочтет удобною для достижения этой цели, но что, сказать правду, я такой новичок в делах и в дипломатии, что не вижу возможности достигнуть цели путем дипломатическим; что если он желает предложить мне свои идеи, то я охотно приму всякое средство, ведущее к цели. Протокол 4 апреля был результатом этого моего требования. Я должен вам заметить, что по моему настоянию включена была в протокол пятая статья, говорящая, что ни одно из договаривающихся государств не будет иметь в виду расширения своих владений, ни исключительного влияния, ни какой-нибудь особой торговой выгоды. Подумавши несколько дней, герцог Веллингтон согласился на эту статью. Я думаю, что тут первый раз получено было от Англии бескорыстное обязательство участвовать в предприятии, требующем издержек и риска и не представляющем никакого приобретения, никакой торговой выгоды. Я помню, что я говорил тогда герцогу Веллингтону: "Скажите, как, по вашему мнению, турки взглянут на наши меры, имеющие целью воспрепятствовать им в укрощении восставших подданных? Неужели они спокойно согласятся на наши требования?" Герцог Веллингтон мне отвечал: "О! Турки не поведут дела до крайности, когда увидят, что наши решения серьезны. С помощью нескольких фрегатов мы заставим их прекратить военные действия, напугаем их и принудим слушаться рассудка; мы никогда не дойдем до войны". Я спросил опять: "Если, однако, наши фрегаты принуждены будут стрелять, неужели турки примут это за мирные выстрелы?" Герцог отвечал прежде, чем никогда дело не дойдет до такой крайности. Лондонский трактат был следствием Петербургского протокола. Вы и Пруссия не сочли нужным приступить к этому договору, о чем я не перестану

искренне сожалеть, будучи вполне убежден, что если бы все пять Кабинетов держали в Константинополе одинаково грозные речи и если бы мы все согласились относительно формы усмирения восставших областей, то не было бы ничего, что теперь случилось.

Я не скрываю от себя неудобства и важных опасностей, сопряженных с предприятием, которое я начинаю; но это не заставит меня отступить от исполнения моих обязанностей. Я искренне буду сожалеть, если обстоятельства мимо человеческих расчетов приведут Порту на край гибели. Я бы желал, чтоб этой печальной катастрофы не было. Я приму начальство над войском, чтоб каждую минуту быть в состоянии выслушивать предложения султана и немедленно остановить войска, когда сочту это необходимым. Я буду вести войну не по-турецки. Впрочем, никакое препятствие не заставит меня оставить мое предприятие, если бы даже пос-, ледовало падение Оттоманской империи. Без сомнения, это было бы новое несчастье, ибо я не вижу еще никаких средств восстановить это здание, если оно рухнет. Но и это важное соображение не остановит меня. Я не могу себя убедить, чтоб мы успели склонить Порту простыми угрозами или переговорами. Только пушкой и штыком можно победить сопротивление султана. Все мои меры уже приняты, и я не могу отступить ни перед каким препятствием. Убытки, причиненные настоящим положением дел в Одессе, уже простираются до 20 миллионов рублей. По последним известиям, турки позволяют себе страшные жестокости в Сербии вопреки Аккерманскому договору; товары лежат без движения в моих гаванях, потому что Константинопольский пролив заперт для моих кораблей. У меня в руках матерьяльные доказательства, что турки хотели воспрепятствовать миру моему с Персией в минуту его заключения. Я, однако, успел заключить почетный мир с Персией, и если Бог мне поможет в настоящем предприятии, то я заключу мир с Портою, и все убедятся, что я требую от нее только необходимого для русской торговли и того, чем я владел по договорам. Я докажу Европе, что не мечтаю ни о каких завоеваниях, будучи доволен своим положением, как оно есть".

В конце апреля русские войска перешли Прут. Известно, что результаты кампании 1828 года не были так удовлетворительны, как надеялись в России, как опасались в Лондоне и Вене. Здесь, разумеется, были очень рады, а в Константинополе подняли головы. "Дипломатический гений" счел обстоятельства благоприятными для начатия своей кампании; он начал внушать о необходимости для четырех важнейших держав вступить в войну между Россиею и Турциею, причем уговаривал английский кабинет действовать на Францию, оттягивая ее от России, обещая с своей стороны действовать в том же смысле на Пруссию. Поццо объявил Лафеттону, что никогда император не допустит никакого вмешательства посторонних держав в свои дела с Портою, и французский министр дал решительный ответ, что Франция отвергает всякое подобное предложение. Осенью был в Вене возвращавшийся с театра военных действий герцог Мортемар. Меттерних спросил у него, какое впечатление вынес он о русском войске и о русских генералах. Мортемар отвечал, что вынес о русской армии самое выгодное мнение. Меттерних презрительно улыбнулся и сказал: "Вы, французы, позволяете себе поддаваться блеску; спросите об этом деле нас: мы наблюдаем русских сто лет; их сила только напоказ, и в эту минуту это верно более, чем когда-либо; что касается потерь их, то они громадны, Россия нескоро и нелегко от них оправится".

То же самое было повторено в Париже. 1 декабря австрийский посланник при французском дворе граф Аппони прочел Лаферроннэ депешу Меттерниха, где говорилось, что для прекращения Восточной войны необходимо собрать конгресс из воюющих сторон и главных государств Европы: настоящие обстоятельства представляют великие удобства для того, чтобы действовать на дух русского императора; русская армия находится в совершенном разрушении и разложении, физическом и нравственном; генералы потеряли дух, ссорятся друг с другом. Император в глубоком унынии; турки увеличивают свои силы и мужество, они отымут у русских Варну зимою; великий визирь поклялся в этом своею головой - у него будет 150 000 войска для этой операции; в будущую кампанию 300 000 турок бросятся на русские владения, опустошат все на своем пути.

Разумеется, "дипломатический гений" не верил ни одному слову из всего этого; но ему нужно было напугать Францию, принудить ее отстать от России и соединиться с Англиею и Австриею), без чего ни той, ни другой нельзя было предпринять ничего против России. Герцог Веллингтон также вел атаку на Карла X. Для успеха дела нужно было переменить настоящее французское министерство, ибо Лаферроннэ был сильный приверженец русского союза. Влияние Веллингтона, которого военная слава далеко превышала дипломатическую славу Меттерниха, было сильнее и тем опаснее для России. Веллингтон выставлял себя охранителем монархических принципов во Франции с большею умеренностью, чем Меттерних; но это самое делало его влияние еще опаснее. Французский посланник в Лондоне князь Полиньяк, приобревший вскоре потом такую печальную известность, был обольщен Веллингтоном и собственным честолюбием и готовил себе министерское место. Полиньяк, приехавши на время в Париж, попробовал склонить короля к соглашению с Англиею и Австриею; но Карл X остался непреклонен. Он сказал ему прямо: "Я хочу остаться в союзе с Россиею; если император Николай нападет на Австрию, то я буду действовать смотря по обстоятельствам; но если Австрия нападет на Россию, то я сейчас двину войска против первой. Быть может, война против Австрии мне будет полезна, потому что прекратит внутренние смуты и займет нацию в широких размерах (en grand), как она желает".

Но если бы даже Франция оказала и более податливости, то это не вывело бы лондонский кабинет из того затруднения, в какое он был повергнут политикою Каннинга и тройным договором относительно Греции. Благодаря этому договору Россия, Франция и Англия, продолжали считаться союзными державами и по-прежнему продолжали совещаться. Постоянные выходки Меттерниха против греческого дела, против Лондонского договора только раздражали английское министерство, которое сочло нужным наконец бесцеремонно дать понять хозяину австрийской политики, что не соответствует дипломатической гениальности толковать одно и то же попусту, ибо ничто на свете не побудит Англию отклониться от Лондонского договора, хотя бы она сама считала его досадным промахом; что если Меттерних хочет действовать с пользою для Австрии, то должен прежде всего употребить все свое влияние в Константинополе, чтобы заставить турок принять предложение трех держав относительно Греции, а потом мир между Россиею и Портою уже легко может быть заключен.

26 декабря 1828 года отправлена была из английского министерства иностранных дел знаменитая депеша к лорду Коулею, посланнику его

британского величества в Вене. Без сомнения, можно допустить, говорилось в депеше, что русская кампания сравнительно с ожиданиями императора Николая и его армии и несмотря на взятие Варны совершенно не удалась. Эта неудача соединена с значительными потерями всякого рода, потерю лошадей, багажа, военного продовольствия и - что еще чувствительнее - потерю, по крайней мере временную, репутации непобедимости, приписываемой русскому войску, может быть, и с излишнею легкостью. Но остережемся выводить из этого ложное заключение! Эти потери можно вознаградить, после них можно оправиться. Очевидно, что опасение несчастий, испытанных русскою армиею, очень преувеличено. Не забудем, что не было ни одного генерального сражения и что император не испытал никакого значительного поражения. Были сделаны ошибки в плане кампании и в операциях относительно перехода Балкан; но ничто нас не уполномочивает предполагать повторение этих ошибок. Верно также, что ряд случайных препятствий, на возвращение которых никак нельзя рассчитывать в другую кампанию, останавливал успехи русского войска. Чрезвычайное поднятие дунайских вод замедлило переход через реку на шесть недель. Сухость лета была почти беспримерна, а в стране между Дунаем и Балканами, не имеющей рек и постоянно дурно орошаемой, армия много потерпела от дурного качества воды и недостатка ее, потому что источники пересохли. Зима отличалась таким же чрезвычайным характером. Необычайно жестокие холода начались очень рано и сделали осадные работы невозможными. Но каковы бы ни были русские потери и какое бы влияние ни оказали причины естественные и неизбежные, мы сильно бы ошиблись, воображая, что император Николай будет от этого иметь менее средств будущую весною выставить силу, превосходящую ту, с какою он начал первую кампанию.

И что противопоставит ему султан Махмуд? Он сам, несомненно, обладает твердостью характера и силою воли в уровень с трудным и опасным положением. Народ его одушевлен религиозным энтузиазмом, способен на большие жертвования, чтобы противиться нападению, по общему мнению несправедливому. В организме Оттоманской империи могут быть скрыты или мало видимы пружины, значение которых трудно определить с точностью; но никто не посмеет рассчитывать на долгое и деятельное сопротивление государства, которое не обладает никакими финансовыми средствами, которого войска представляют буйную толпу без всякой дисциплины и которого вся правительственная система состоит в разрушении и анархии. В депеше предписывалось лорду Коулею обратить внимание Меттерниха на неизбежные последствия завоевания Турции русскими, на противоположность между турецкими областями и областями всякого другого европейского государства. В последних после самых кровавых войн и самых широких завоеваний мир излечивает все раны. Формы правления изменяются, династии низвергаются или восстанавливаются, а состояние общества и действие законной власти остаются нетронутыми. Но оттоманскую власть, раз разрушив, восстановить невозможно. Каждая провинция находится в состоянии смут и возмущения не только против верховной власти султана, но и против всякой власти и всякой собственности. Нельзя хладнокровно смотреть на ужасы подобной войны; нельзя предвидеть ее конца; верно одно - что мы достигнем этого конца только после долгих терзаний и смертоубийств. Известно, как важно для короля поддержание независимости Турецкой империи. Но каковы бы ни были обязанности и желания на этот счет, теперь, когда Турция еще существует,

вопрос изменяется, если Турецкая империя будет разрушена и мусульмане изгнаны из Европы; ибо тогда какой государь будет в состоянии наложить на своих подданных тяжести и пожертвования с целью возвратить турок в среду христианских народов?

Эти замечания, быть может, склонят австрийское правительство действовать в том направлении, которое мы считали самым благоприятным для мира, единственным, которым, как нам кажется, можно его достигнуть. До тех пор пока статьи Лондонского договора не будут исполнены, Англия и Франция не будут в состоянии с успехом содействовать ни установлению всеобщего мира, ни сохранению султанского престола. Что бы ни случилось, они не могут разорвать своих обязательств и, предположив даже вражду с Россией, они не будут в состоянии отстать от своего договора. Венский двор никогда не одобрял начал, на которых постановлен Лондонский договор, и у нас нет намерения входить здесь в споры о достоинствах этого договора. Допустим, что заблуждения и несправедливость участвовали в его происхождении. Если договор был зло, то это зло твердо установившееся, и такое зло, которого вред увеличивается по мере его продолжения. Если австрийский министр думает, что предвиденные им затруднения заставят нас нарушить наши обязательства, то он впадает в роковую ошибку. Его величество искренне желает независимости и твердости Турецкой империи, но сохранение собственной чести для него дороже, и, пока обязательства Лондонского договора будут существовать, его величество не перестанет соблюдать их. Поэтому главным делом австрийского кабинета должно быть употребление всего своего влияния в Константинополе, чтобы достигнуть улажения греческого дела, потому что этим условия Лондонского договора будут исполнены, Англия и Франция освободятся от их обязательств. Выполнение этого условия облегчит всеобщее замирение гораздо более, чем попытка произвести прямое сношение Порты с Россией. Как скоро Лондонский договор будет исполнен, Франция и Англия сейчас же будут в состоянии содействовать примирению. Мир будет восстановлен посредничеством, которое обеспечит его твердость. Император Николай, позволительно надеяться, согласится покончить распрю с Портою на условиях умеренных. Заявления его императорского величества и его характер дают полное право так думать; а если бы случилось иначе, то нетрудно будет указать средства, которыми Англия и Франция могут добиться условий мира справедливых и приличных. Так вот что теперь должно быть целью всех усилий князя Меттерниха. Оставляя все свои прежние возражения против Лондонского договора и хлопоча о его исполнении так же усердно, как бы он был делом австрийского кабинета, князь даст двум державам возможность содействовать великой цели, в которой они одинаково заинтересованы.

Тяжело, унижительно было "дипломатическому гению" получить такое внушение, бесцеремонно говорилось ему, чтобы он бросил свои широковещательные возражения против Лондонского договора и старался о его исполнении точно так, как если бы он был творением его рук; бесцеремонно говорилось ему, чтобы он не рассуждал, а исполнял. Страшное унижение для человека, который любил выставлять себя руководителем европейской политики, руководителем государей. Предписание велит стараться об исполнении ненавистного дела, как будто это дело было его собственное: оскорбительная насмешка! Но делать нечего, надобно исполнить приказание. Уже и прежде Меттерних отчаивался в возможности уничтожить

Лондонский договор и придумывал, как бы из двух зол выбрать меньшее, пришел к тому заключению, что гораздо выгоднее совершенно освободить Грецию из-под власти турок, ограничив ее территорию Мореею и островами, ибо оставление Греции под властью султана поведет к гарантии, к вмешательству, причем русское влияние будет господствующим. Меттерних приказывал интернунцию обращать внимание Порты на то, что вассальная Греция поведет к таким же хлопотам, как и вассальные Дунайские княжества.

Меттерних должен повиноваться приказанию западной силы; но он, слабый, поставлен в самое затруднительное положение: западная сила, несмотря на соперничество, не хочет, не может разрывать с восточною силою. Надобно, следовательно, умилостивить и другую силу. В Петербург отправляется граф Фикельмон с письмом императора Франца к императору Николаю и с словесными объяснениями. Цель этих объяснений состояла в том, чтобы оправдать поведение Австрии в начале войны; уничтожить неприятные впечатления, которые часто производило это поведение; отречься от всякой попытки вмешательства между Россиею и Портою. Средство достигнуть своей цели было употреблено обычное: указать на революционное движение, господствующее во многих странах, что грозит великою опасностью в будущем.

Татищев должен был отвечать на это кн. Меттерниху по депеше гр. Нессельроде от 24 февраля 1829 года: так как Турецкая война продолжается и так как по чуждым влияниям сопротивление Порты приняло характер упорства, то Россия должна обратить все свое внимание на интересы, касающиеся ее чести и благосостояния ее подданных, и потому средства, которые она могла бы выставить против обнаружений революционного духа, необходимо будут парализованы. Австрия больше всех других государств должна желать заключения мира, но мира славного для императора и выгодного для империи, ибо, если мир не будет носить этого характера, значение и политическое влияние России потерпит ущерб и нравственная поддержка, которую Россия должна будет дать государствам дружественным или союзным, будет непродолжительна и недействительна. Но, по удивительному противоречию, Австрия сочла своею обязанностью вести себя совершенно иначе: она одобряет сопротивление султана; ее нейтралитет не всегда беспристрастен, ее сочувствия клонятся, очевидно, в пользу Турции; язык ее газет умаляет наши успехи и преувеличивает ничтожные неудачи. Пусть Австрия откажется от плачевной политики, какой она следовала до сих пор; пусть ее агенты в Лондоне поддерживают русское требование, чтобы новая греческая территория имела обширнейшие пределы, а не ограничивалась Мореею и Цикладами.

Это желание России увеличить греческую территорию встретило в начале 1829 года сильное препятствие. Преданный русскому союзу французский министр Лаферроннэ, опасно заболев, должен был сложить с себя должность и уехать в Ниццу. Король прочил на его место любимца своего Полиньяка, который окончательно усилил бы английское влияние. Это удалось; несмотря на то, Поццо писал: "Очевидно, что наши противники не восторжествовали; но и мы далеки от победы, особенно по отношению к Греции. Герцог Веллингтон имеет над королем (французским) большую власть, которою он имеет случай ежегодно пользоваться благодаря близости двух столиц. Недовольный своим внутренним положением, этот государь тоскует о своих любимцах и не имеет никакого доверия и мало уважения к тем, которых должен употреблять в

настоящее время. Герцог Веллингтон льстит этому чувству и одобряет его; кн. Полиньяк служит посредником их тайных сношений. Подле интересов и мотивов столь личных и страстных греческое дело становится второстепенным, и люди, которые советуются с герцогом о том, как должно управлять Францией, не станут бороться с ним, когда пойдет дело об определении границ Греции. Из этой запутанности и из этого ложного положения проистекают противоречия между обещаниями, мне данными в Париже, и неопределенным языком, которым французские агенты говорят в Лондоне. Что касается народного чувства, то оно никогда не высказывалось так громко за Россию, как теперь. Роялисты, называющие себя чистыми, и конгрегация высказались против нас, как сумасшедшие, проповедуя учения Англии и Австрии: этой непонятной глупости было достаточно, чтоб заставить всех других обратиться на нашу сторону".

Вследствие усиления английского влияния Франция согласилась на возвращение своего посланника вместе с английским в Константинополь для улажения греческого дела; но союз по этому делу был тройной; и так как русский посланник не мог возвратиться в Константинополь, то Россия здесь фактически исключалась из союза. Когда Поццо заметил Карлу X о неожиданности такого решения со стороны Франции, то король отвечал, что нельзя было позволить, чтобы один английский посланник возвратился в Константинополь, а это было дело решенное и отговорить от него герцога Веллингтона не было никакой возможности. Султан, окруженный австрийским интернунцием и английским посланником, будет смотреть только их глазами и слушать их ушами, тогда как французский посланник граф Гильемино может не только наблюдать за их поведением и за характером их внушений, но сдерживать их и противоречить им в случае надобности, так что представитель Франции будет вместе и представителем России; император будет уведомляем обо всем, что ни произойдет в Оттоманской столице.

Поццо, разумеется, не мог быть успокоен этими словами и прямо высказал королю, что кн. Полиньяк действовал слабо в Лондоне; но в Париже старались по возможности поправить дело: Гильемино действительно было наказано, что если султан откажется смотреть на обоих посланников как равно уполномоченных и России, то он должен немедленно порвать все сношения с Портою по греческому делу и отдать отчет королю, не позволяя Гордону (английскому посланнику) уговорить себя к какой бы то ни было сделке; что он должен считать себя представителем русских интересов более, чем своего товарища; покровительствовать русским подданным, оказывать им всевозможную помощь: ему дается право делать непосредственные сообщения в Петербург, если сочтет это своею обязанностью, и, наоборот, если бы император поручил ему что-нибудь, должен исполнить поручение немедленно.

Между тем кампания 1829 года началась. От 26 июня (н. с.) Гордон писал своему министерству из Константинополя: "Кажется, очень верно, что военные действия ограничатся линиею Дуная и другой год пройдет прежде, чем русские получат надежду перенести свои операции на эту сторону Балканов". Менее чем по прошествии двух месяцев после этого русское войско уже занимало Адрианополь. Император Николай велел спросить у Поццо, что делать, если упорство султана заставит овладеть Константинополем. Поццо отвечал, что "все зависит от обстоятельств взятия этого города: если султан в порядке отступит в Азию, то с ним можно договариваться, предложить ему мирные

условия и, если согласится, восстановить его в Константинополе. Если же он погибнет и Турецкая империя разрушится, тогда, принявши военное положение, самое способное заставить уважать русскую политику, император может пригласить главные государства Европы под его председательством распорядиться некоторым образом судьбою страны, которую его величество освободил своим оружием и которую желает возвратить цивилизации и правительству благоустроенному. При этом Россия должна получить Константинополь, оба берега Босфора, Дарданеллы и остров Тенедос. Константинополь можно сделать вольною гаванью, город получит самоуправление; но в нем будет русский гарнизон, который будет давать России, так сказать, молчаливое влияние. Слабому государю отдать Константинополь нельзя, потому что тут будет постоянная борьба между русским и английским влиянием".

Но султан не хотел ни уходить в Азию, ни погибать в Константинополе, он спешил мириться; 24 августа (н.с.) двое сановников Порты отправились к главнокомандующему русскою армиею с мирными предложениями; им было наказано относительно всех статей договора полагаться на волю и справедливость императора Николая. Гильемино писал своему министерству, что условия мира, предложенные с русской стороны, бесконечно великодушны. Французский посланник прибавлял, что раздражение и отчаяние его товарища Гордона выше всякой меры и что он нисколько их не скрывает.

1876 г.

Опубликовано: Соловьев С.М. Восточный вопрос // Сочинения Сергея Михайловича Соловьева. СПб., 1882.

Сергей Михайлович Соловьев (1820 - 1879) русский историк, профессор Московского университета с 1848 года, ректор Московского университета (1871-1877), член Императорской Санкт-Петербургской Академии Наук (1872), тайный советник.